

СИГИТА УЛЬСКАЯ

О ЧЕМ МОЛЧАТ
ВЕДЬМЫ

16+

Сигита Ульская

О чём молчат ведьмы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ульская С.

О чём молчат ведьмы / С. Ульская — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Героиня этой книги - девушка Стася. Она расскажет вам историю о том, как одно необычное лето изменило всю её жизнь. Страницы романа пропитаны солёной морской водой и засыпаны песком побережья. Смахивая его со страниц, вы найдёте много любви, дружбы, мудрости и капельку волшебства.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

– Стася! Стася! Ну где же ты?! – Агния высунулась в окно в поисках дочери, оглядела двор и с таким шумом захлопнула створки, что с крыши испуганно вспорхнула стая голубей.

Стася всегда доставляла кучу хлопот. Сложный ребёнок. Когда она нужна, вечно куда-нибудь исчезает. Агния, тяжело переваливаясь, спустилась по крутой лестнице и вышла на улицу. Где же она? Ага. Так и есть. Женщина издалека увидела красную Стасину куртку. Дочь сидела под яблоней в тупике улицы между домами и что-то рисовала.

– Стася, – Агния слегка тронула дочку за плечо.

Та, вздрогнув, подняла на неё испуганные серые глаза.

– Ну что ты всё дрожишь! Вечно летаешь где-то в облаках! – с досадой произнесла Агния. – Пойдём в дом. Мне нужна твоя помощь.

Когда они зашли на кухню, мать усадила дочь и начала любимый разговор:

– Стася, что ты думаешь о своём будущем?

– Не знаю. Наверное, снова попытаюсь поступить в университет в следующем году, раз в этом не получилось.

– Вот это правильно. Бухгалтерские курсы ты уже закончила. Спасибо, хватило ума послушать меня. Но экономистом быть гораздо лучше. Все станут уважать тебя, ты вырвешься из нищеты и не будешь горбатиться всю жизнь, как я, – одобрительно кивнула Агния. – Однако, пока у тебя есть время, может, поживёшь с бабулей в Медовой бухте? Она совсем плоха. Сегодня заходил врач и сказал, что Ксении нужен уход. И потом, бабушка в таком случае, возможно, отпишет на тебя дом? Она же тебя любит...

Стася почувствовала себя неловко. Ей не нравились расчётливые разговоры матери.

– Мам, я и так с ней поживу, безо всяких причин. Я ведь люблю её... Но чтобы уговаривать бабушку переписать на меня дом – об этом не проси!

– Ладно-ладно, – примирительно проговорила мать, – ну, может, у вас будет повод побеседовать на эту тему. А то ты же знаешь нашу бабулю. Она странная. Возьмёт и оставит наследство чужому человеку. С неё станется...

– Мам, – желая поскорее закончить неприятный разговор, Стася встала, – так чем тебе помочь?

– Сбегай в лавку. Купи бабушке продуктов, вот тебе список. А потом поезжай к ней. Обрадуй её переездом. А осенью вернёшься в город. Хотя ты знаешь, что всегда можешь приехать – всего-то три часа пути! Тебе, молодой, это нетрудно...

Стася схватила сумку, натянула, не глянув в зеркало, шапку с помпоном и выскочила на улицу. Агния окинула худенькую фигурку дочери. Ей уже исполнилось 19, но со спины Стася выглядела щуплым подростком с развевающимися, вечно запутанными от ветра рыжими волосами.

Агнию огорчало и радовало в дочери, как ни странно, одно и то же. Стася не красилась, как её сверстницы. Не выпрашивала деньги на наряды – казалось, ей было всё равно, что носить. Стася подрабатывала почтальоном на почте и все деньги отдавала матери. Вернее, Агния сама получала зарплату дочки, так как работала там же, в бухгалтерии, и выдавала часть Стасе на её расходы уже дома. Девушка не бегала на свидания, а частенько читала книги, рисовала, что-то писала, сидя на заднем дворе или в тупике улицы, где сегодня обнаружила её Агния. Что за ребёнок? Ведь не девочка уже! Пора бы повзрослеть и жить как все.

Агния, вздохнув, стала собирать большую сумку для матери. Она складывала продукты, завернутые в плотную бумагу, и вспоминала своё детство. Старую Ксению, как теперь все называли её мать, Агния с раннего возраста не понимала и даже стыдилась. Вечно весёлая, ни на кого не похожая, Ксения казалась ей странной. Если все ходили в простеньких платьях, то

мать вечно обшивала своё яркими лентами и бахромками. Подобным образом она украшала и одежду Агнии, однако та, выходя из дому, пряталась за углом и с рьяным упорством отрывала ленточки, а потом старательно выдёргивала оставшиеся нитки, чтобы ничего не напоминало о причудах матери. Агнии хотелось быть такой же, как все девочки в классе. Заметив это, Ксения перестала украшать юбки и платья дочери, но каждый раз, причёсывая девочку в выходные, спрашивала, не вплести ли ей маленькие цветочки в волосы или, может быть, уложить косы венком вокруг головы. Не украсить ли голову яркими бантами? Агния же всегда просила просто заплести две тугие косы, как у всех. Мать вздыхала, но подчинялась. Сама Ксения то делала себе ассиметричный пробор, то укладывала волосы в красивую ракушку. Никто из женщин в городке так не причёсывался...

А уж когда Ксения вышла на груди своего серого пальто красные маки, Агния и на улице стала прятаться в подворотню, только чтобы не встречаться с матерью. Если им приходилось идти вместе, то Агния обычно брела чуть позади, чтобы всем казалось, будто она идёт одна... Даже их дом Ксения старалась украсить особенно. Именно у них впервые в городке на окнах появились длинные, до пола шторы. Если у всех мебель была обычная – дубовая или сосновая, то лишь в их доме мать выкрасила буфет в угольный цвет, а его нутро – в ярко-алый. Ну где вы такое видели?!

Однако больше всего Агнию расстраивали вечные мамины выдумки. В их городке все жили небогато, ели примерно одно и то же. Меню жителей зависело от сезона и моря. А мать, бывало, скажет Агнии по дороге из школы, что дома их ждёт запечённый ёжик, хотя это оказывалась простая свиная котлета с воткнутыми спагеттинами вместо иголок и чёрными перчиками вместо глаз. То загадочным голосом объявит, что сегодня после ужина дети получают гору съедобных самоцветов. И подавала вместо них нарезанные разноцветные кусочки желе. Скажите, ну как можно жить с таким человеком? Подросшая Агния рыдала и ругалась с матерью, чтобы та прекратила врать... Но разве её остановишь?

А вот отцу и младшему брату Томасу выдумки мамы всегда были по вкусу. И они с радостью могли есть и нахваливать филе морского чудища, хотя это была всего лишь порезанная и обжаренная селёдка. Особенно Томас радовался свекольным или морковным котлетам, которые им «передавали лесные зайцы». Агнию же трясло от возмущения, ведь она, проснувшись ночью, видела, как мать сама их печёт!

Ксения развешивала рисунки дочери в гостиной, как вешают лучшие картины. Но Агнии всё время казалось, что это какая-то насмешка, хотя мать говорила ей, что она талант и большая умница.

Однажды пятилетний Томас вырезал из старой деревянной ложки цветок. Прикрепил к цветку булавку и торжественно вручил матери свой подарок. Ксения сказала, что это самая лучшая брошка на свете и в ближайшее воскресенье, когда они всей семьёй пошли на службу в церковь, нацепила её на платье. Агнии казалось, все смотрят на корявый цветок на груди матери. Он был глупым, неказистым и тяжёлым, отчего мамино платье некрасиво перекошилось и топорщилось. А Ксения шла так гордо, будто ей вручили главную в мире медаль... Вечером Агния пробралась к шкафу родителей, сняла брошь и бросила её в камин. Мать ещё долго потом искала подарок сына и горевала.

Радовалась Агния, только когда к ним приезжала баба Корнелия – мать отца, сухая старуха в чёрном платье, с поджатыми губами и кульком гладко прилизанных седых волос на голове. Когда в их доме появлялась баба Корнелия, Агния частенько засиживалась на кухне в углу за печкой, слушая разговоры женщин и втайне соглашаясь со старой Корнелией... Та отчитывала невестку за излишнюю расточительность: зачем она подаёт чай в красивых фарфоровых праздничных чашках, почему расшила рюшами и кружевами фартук для каждого дня? А уж когда однажды Ксения бабке, как и детям, подала манную кашу, щедро присыпанную

корицей, с солнышком, нарисованным растопленным маслом, Корнелия шумно отодвинула тарелку и строго сказала:

– С меня хватит этого балагана! Сын, ты женился на безумной. Я же не ребёнок, такую кашу есть!

...Когда Агнии исполнилось семнадцать, Томас утонул. Ему было всего лишь четырнадцать. Мать надолго потухла и даже, казалось, стала такой, как все. Через пять лет отец перестал ходить в море, и ему предложили должность смотрителя маяка в дальней бухте. Её все называли Медовой. Там, за утёсом, был маленький домик, вполне пригодный для жизни.

Отец всё лето восстанавливал его, потом приехал, чтобы забрать к себе жену. Агния к тому времени уже закончила курсы и устроилась на почту. Она осталась одна в городском доме и наконец вздохнула свободно. Дочь сразу навела свои порядки, а Ксения, которая иногда приезжала за покупками, только молча качала головой, когда видела её новые правила жизни.

Агния быстро вышла замуж, родила Стасю и частенько отдавала девочку на всё лето матери, чтобы девочка «надышалась воздухом». Старая Ксения с мужем внучку обожали. Дед Казимир вырезал ей игрушки из еловых корней и по вечерам водил Стасю на старый маяк, зажигать огни. Бабуля рассказывала ей чудные сказки и учила варить особенные варенья из цветов: роз и одуванчиков.

Потом дедушка умер, а Старая Ксения так и осталась жить у маяка, сменив на службе мужа. Теперь уже она поднималась каждый вечер по ста двадцати одной ступеньке и зажигала маяк. Дом, который Ксения с Казимиром успели перестроить и привести в порядок, обсадив садом, государство отдало ей, в качестве благодарности за долгую и верную службу.

И если, пока отец был жив, Агния ездила к родителям хотя бы раз в три месяца, то после его смерти она всё чаще посылала к своей матери Стасю. Старая Ксения была для Агнии всё так же тягостна и непонятна. В последний раз она видела её зимой, когда та приболела. Агния тогда собрала сумки, заехала за лекарством и долго тащила от станции до маяка. Потом сидела за деревянным столом, поглядывая на то, как бушует море и ветер гнёт хлипкие кусты, поддувая в окна. Скукота здесь. Как не сойти с ума? И как тут живёт Ксения? Она взглянула на мать, сидевшую напротив, но не знала, о чём с ней поговорить.

– Может, переедешь к нам со Стасей? Что тебе тут делать одной? – наконец спросила она нерешительно, боясь ответа.

– Что ты, доченька! Не хочу я к вам, – махнула рукой Старая Ксения, – и потом, я здесь не одна. А с морем. И с маяком.

– Ой, не начинай, – поспешно и несколько раздражённо ответила дочь. – Так, может, я тебе чем помогу, раз приехала. Приберу, например...

– Доченька, так у меня же всё чисто.

Агния окинула взглядом скромную комнату и убедилась в правоте слов матери.

– Я даже в спальне Стаси сделала небольшой ремонт. Нарисовала на стенах звёзды и цветы. Хочешь подняться посмотреть? – предложила старушка дочери.

– Нет-нет, верю, что красиво, – заторопилась Агния. – Ну, раз помощь не нужна, вот лекарства, – подтолкнула она кулёк к матери, – а я побегу, чтобы успеть на последний автобус.

Всю обратную дорогу она думала: в кого её мать такая? Слово из другого мира. С непонятными речами, странными традициями, глупыми нарядами. Хотя все их предки до седьмого колена жили здесь, у моря. Их покосившиеся кресты и могильные камни и сейчас можно было отыскать на окрестных кладбищах. Но в роду таких, как Ксения, не было.

...От воспоминаний о матери Агнию отвлекло возвращение Стаси. Сквозь запотевшее окно она увидела, как та зашла во двор, подобрала невесть где взявшуюся красную ленту и старательно обвязала её вокруг ствола старой липы, сделав большой бант. Агния покачала головой и со страхом в очередной раз подумала, как всё-таки Стася похожа на Старую Ксению. Малахольная её дочь. Как же она будет жить?

Глава 2

Стася купила билет, закутала свою длинную тоненькую шею сильнее в шарф и стала ждать автобус.

Была холодная весна. Сюда, на побережье, она всегда приходила позже. На небе клубились бледные облака, словно в чашку с чаем добавили молоко и теперь кто-то большой ложкой перемешивал всё это. «Может, это Бог?» – подумала Стася. А кто же ещё? Моросил лёгкий невидимый дождь. Или это капельки тумана повисли в воздухе? Рядом с остановкой росло дерево. Почки на нём уже набухли, а кора была чёрной и сырой. Интересно, что это за дерево? Ветла, кажется. На самой толстой ветке сидел большой взъерошенный ворон и сердито смотрел на Стасю. Он наверняка думает: «Хорошо ей, спряталась под навес остановки. А мне вот мокни здесь», – решила Стася. И похлопала по скамейке рядом с собой, приглашая ворона примоститься по соседству. Тот каркнул, взмахнул крыльями и полетел к ближайшим домам. «Вот ещё. Вам, людям, доверять нельзя», – перевела его действия Стася.

– Эй, да ты слышишь или нет? Садиться будешь? – вдруг донеслось до Стаси сквозь ворох мыслей.

Это кондукторша уже битых пять минут кричала девушке из дверей подъехавшего автобуса. Но Стася не слышала, а словно спала с открытыми глазами.

Она вздрогнула, схватила сумку на колёсиках, рванула к автобусу, потом вернулась к лавке, на которой забыла кошелёк. Заскочила в транспорт, протянула кондукторше билет. Та проверила его, назвала Стасю растяпой и всю дорогу недовольно косилась на неё, как чуть раньше это делал ворон.

Только девушка этого не замечала. Она уставилась в окно и опять погрузилась в себя. За стеклом мелькали последние промокшие домишки. Вообще-то Стасе нравился их маленький городок, потому что она прожила здесь всю жизнь. В основном он состоял из старых двух-трёхэтажных домиков с черепичными крышами. Его узкие извилистые улочки, мошённые древними булыжниками, плавно сбегали к маленькой нарядной пристани, переходившей в сосновый бор. Но сейчас городок выглядел озябшим и печальным. В глаза бросались угрюмые выбоины на стенах домов, унылый ветер трепал тоскливые объявления на столбах, краски за зиму поблёкли, заборы облупились... Ранняя весна, когда только сошёл снег, у них в городке всегда была такой.

Но Стася знала: скоро произойдёт чудо. Оно случится неожиданно. Кто-то большой, неведомый, могущественный дунет на город, и он преобразится за несколько часов. Стены, связанные жгутами девичьего винограда, вдруг зазеленеют, везде заизумрудится трава, заблагоухают цветы. Каждую пыльную подворотню украсят гирлянды весёлых одуванчиков. И о том, что это случится очень скоро, напомнили россыпи подснежников, которые забелели с обеих сторон дороги, как только автобус выскочил из города.

Неспешно потянулись поля, потом наконец показалось море. Стася, увидев его в просвете между холмами, замерла. Море для неё было живым. Она пробовала угадать, какое у него настроение, и оно тут же передавалось ей. Стасе всегда казалось, что, как только она видела первые волны, по её жилам начинала течь морская вода. Девушка прижалась носом к стеклу, разглядывая белых барашков, бегущих к берегу, и ей невероятно захотелось чего-то большого, настоящего в своей судьбе. Такого, как огромная морская волна. Чтобы её захлестнуло, понесло и закружило, а она бы выплыла, отфыркиваясь, глубоко вдыхая жизнь.

Автобусик пронёсся по улицам последнего посёлка и остановился рядом с главной площадью на станции. Стася вышла, попрощалась с кондукторшей и, пройдя пару улиц знакомым, хоть и подзабытым маршрутом, направилась к лесу, который уже виднелся за оврагами.

Это был густой хвойный бор. В городе слякоть и грязь, а здесь – торжественно и тихо. Умиротворение и покой. Влажная земля, от которой идёт пар. Яркий, словно праздничный, малахитовый мох на деревьях. Дыхание весны от каждой ветки. Природа уже проснулась и приоткрыла бездонные глаза. Она тихо смотрела на Стасю, а Стася – на неё...

Поляны были усыпаны белыми ветреницами. Девушка сошла с дорожки, насобирала букет для бабули. Этот лес, дорога через него с детства ей были хорошо знакомы. Сейчас она пройдёт дальше, покажется старая сломанная сосна, за ней дорога станет шире. А там уже и до края леса недалеко. Деревья резко расступятся, открывая холм, покрытый травами и кустами шиповника. На холме начиналась каменная припылённая дорожка, кое-где переходившая в старые истёртые ступени; она вилась до самого края утёса с маяком. Там дорожка раздваивалась. Одна тропка добегала до самого маяка, а другая спускалась вниз, к бабулиному домику, скрытому от шквалистых ветров большой скалой.

Стася вышла к старой сосне и замерла. На дорожке стояли три фигуры. Она их сразу узнала. Оробев, девушка уже задумала было повернуть обратно. Тем более что они стояли к ней спиной и, казалось, пока что не заметили...

Это были три Лесные ведьмы, как называли их в здешних краях. Они появлялись раз в два-три года, жили некоторое время где-то в окрестных лесах, а потом так же внезапно исчезали. Люди сторонились их, некоторые поговаривали, что они воруют детей. Иногда в базарные дни ведьмы появлялись в самом городке, и женщины бегали к ним гадать или за снадобьями, помогавшими от разных хворей.

Кем они были друг другу? Сёстрами? Подругами? Достоверно никто ничего о них не знал. Стася много историй слышала о Лесных ведьмах, но видела их только один раз, когда ей было лет шесть. Тогда она пошла с матерью на рынок. Там было, как всегда, шумно и многолюдно. Вдруг в толпе девочка увидела этих трёх женщин и услышала перешёптывания людей вокруг: «Лесные ведьмы... Лесные ведьмы...»

Одна из них, самая молодая, улыбнулась ей в тот момент и протянула леденец. Стася, испуганно вцепившись в юбку матери, спряталась за неё...

Пока девушка колебалась, её заметила чёрная птица, сидевшая на плече одной из ведьм. И, замахав крыльями, чётко произнесла: «Она! Она! Она!!!»

Стася обомлела и даже потёрла глаза – что за чудо? Птица разговаривает?!

Ведьмы обернулись, увидели девушку и направились к ней. А Стасины ноги словно прилипли к дорожке, от страха она не могла пошевелиться.

Та, что была с птицей на плече, медленно подошла вплотную к Стасе и заглянула ей в глаза. Кажется, в самую душу. Стася видела только два разноцветных глаза с расширенными зрачками, в которых плескался чёрный огонь. Птица снова ожила и заговорила: «Она. Она...» Стася как будто очнулась от гипноза и, встряхнув головой, сказала:

– Это волшебство, ваша птица разговаривает человеческим голосом!

– Разве волшебство? – громко засмеялась ведьма, закинув назад голову. – Это ворон, Арон. Я подобрала его птенцом. Вороны умеют говорить не хуже попугаев. Они очень умные и не просто произносят слова.

Ведьма погладила птицу, Арон склонил голову и смешно заклокотал.

– Что ты здесь делаешь? Как тебя зовут? – спросила Стасю вторая ведьма, подошедшая к ним.

– Скоро будет темнеть. Тебе не страшно? – добавила третья.

– Я – Стася... Иду навестить бабулю. Она заболела, – робко ответила девушка.

– Ты как Красная Шапочка, – засмеялась ведьма, на плече которой сидел ворон.

– А вы что делаете здесь, в лесу? – осмелела девушка.

– Мы? Ждём тебя, – ответили хором Лесные ведьмы, и ей стало страшно.

В голове вдруг всплыли старые мрачные рассказы.

– Не бойся, мы тебя не съедим, – сказала одна из ведьм. – Мы ждали тебя, потому что здесь должна пройти наша будущая ученица, которой дано стать ведьмой. Ведьмой Ветра. И это ты...

– Я? – растерялась Стася. – Вы наверняка что-то путаете...

– Нет, дорогая. Ведь ты очень сильная ведьма. В тебе течёт ведьминская кровь. Ты из нашего рода...

– Правда? – опешила Стася. – А что же мне делать с этим?

– Мы научим тебя всему, что знаем, а ты уже сама решишь дальше, что с этим делать, – сказала ведьма – хозяйка Арона. – Меня, кстати, зовут Висия.

– Очень приятно, – Стася вежливо пожала сухую узкую руку молодой Висии.

– Моё имя – Урсула, а её – Лидия, – кивнула на самую старшую среднюю.

– Мы будем ждать тебя в охотничьем домике завтра. Ты знаешь кривую скалу, которую называют Клык Дракона? – спросила Лидия.

– Да...

– За ней начинается тропинка, которая приведёт тебя к самому домику. Только никуда не сворачивай. А чтобы ты не сбилась, Висия повесит цветные ленты на ветки деревьев, обрамляющих тропинку, а то иногда её и не видно...

– Придёшь? – спросила Висия, опять близко наклонившись к Стасе, так, что та почувствовала тонкий запах фиалок, исходивший от женщины.

– Да, – почему-то не раздумывая ответила Стася, и её сердце замерло.

– Тогда беги сейчас к бабуле, – сказала Лидия, – и поспеши, через час начнётся дождь!

Лесные ведьмы углубились в чашу и быстро скрылись за деревьями. Как будто их и не было.

Стася стояла ошарашенная. Не привиделось ли ей это? Подняв голову, она посмотрела на верхушки чёрных деревьев. Они медленно качали резными ветвями, и Стася отчётливо слышала их шёпот: «Ведьма Ветра. Ведьма Ветра...»

Девушка постояла ещё немного, а потом ей на лицо упала капля, которая напомнила о грядущем дожде. Стася заспешила по дорожке дальше, таща сумку, жалобно взвизгивающую каждый раз, когда одно из её колёсиков насакивало на камешек.

Вскоре Стася вышла на холм. Впереди на фоне моря и неба показался маяк. Ветер сорвал с девушки капюшон, и Стася по сильнее укуталась в шарф. Ей стало весело и спокойно. Впервые за много месяцев. В последнее время что-то мучило её, грызло изнутри, какая-то печаль терзала душу, словно вирус. Она беспокойно спала, просыпаясь от каждого шороха, почему-то часто плакала, старательно пряча слёзы от матери, ведь и сама себе не могла их объяснить. Но сейчас девушке казалось, что за её спиной выросли два больших крыла и она понеслась над землёй, почти не касаясь её, над песчаными дюнами, над жёлтыми сухими травами, над изогнувшимися от ветра кустарниками.

Она быстро долетела до маяка и свернула на лестницу, ведущую вниз. Там начиналась Медовая бухта. В бабулину усадьбу можно было попасть только так. Со всех сторон дом окружала высокая скала. За ним утёс с маяком уходил далеко в воду, закрывая застройку от северных ветров. Правда, идя по берегу на юг, можно было дойти туда, где утёс заканчивался. Там, примерно в двух милях, был маленький перешеек, но потом начинались Чёрные скалы. Ещё более высокие и грозные. К ним надо было идти по песку, однако в приливы в некоторых местах вода подступала к основаниям скал. Поэтому самым коротким путём в дом оставалась эта надёжная старинная лестница – сверстница маяка.

У лестницы были достаточно крутые ступени, и Стася начала осторожно спускаться, цепляясь за влажные холодные перила. Они были резными, металл во многих местах покрылся ржавчиной и мхом.

Дойдя до первой площадки, девушка увидела крышу дома Старой Ксении. Когда-то он стоял, окружённый только утёсом, но дед и бабуля натаскали сюда земли, ведь место было отличное – солнце освещало его от рассвета до самых сумерек, здесь всегда был свой особенный микроклимат. Именно поэтому у бабушки в саду цвели разные диковинки, которые в своё время привозил ей муж. Даже рододендроны выросли большими, как деревья, и многие этому удивлялись... За садом в ста метрах начиналось море. От бабулиного участка его отделяла только невысокая дюна, через которую в нескольких местах были проложены побелевшие от времени дощатые настилы.

Стася помедлила. Почему же она так давно здесь не была? До двенадцати лет девочка проводила у маяка каждое лето... Потом смерть дедушки, новая школа, загруженность, новые друзья... Да и мама чаще настаивала, чтобы Стася оставалась в городе. И Старая Ксения приезжала к ним уже сама. Раз или два в год. Стася любила разбирать потёртый чемодан бабули. Все вещи в нём пахли морем и травами. И можно было найти много сюрпризов, которые Ксения приготовила внучке: горсть ракушек, маленькие мятные петушки, вязаные варежки с вышитыми снежирами или пакет с сушёными ягодами...

Девушка спустилась до самого домика, прислонила сумку к белому заборчику у задней калитки, а сама побежала дальше. Обогнув скалу, она быстро оказалась на морском берегу.

Вода выглядела уже не свинцовой и хмурой, какой бывает зимой. Она стала прозрачной, зеленоватой. Пустынный песчаный берег, старые сосны над обрывом и мягкие тихие волны, медленно качающиеся у Стасиных ног. То тут, то там шторм накануне накидал веток, словно старый колдун костей, разбросал цветные камни, будто зашифровал в них свои послания...

– Я слышу тебя, море, я читаю тебя... Я тоже тебя люблю... – сказала Стася, и девушку накрыло ликование и восторг.

Она хотела пройтись по берегу, но тут на неё обрушился дождь. Крупные капли, словно снаряды, взрывали песок вокруг, оставляя маленькие воронки. Стася опрометью бросилась к дому. Схватила сумку, пробежала по густому саду и, вскочив на крыльцо, открыла дверь в коридор.

Здесь было темно, сухо и тихо. Сквозь оконце пробивался свет, подсвечивая большие дутые зелёные бутылки и свисавшие с потолка пучки сладко пахнущих трав. Стася толкнула дверь в дом. И сразу увидела бабулю. Старая Ксения, разжигавшая огонь в камине, повернулась к ней, и радостная улыбка осветила её лицо.

– Девочка моя! – Ксения обняла Стасю, а та, уткнувшись в бабулино плечо, почувствовала знакомый запах детства, который убаюкивал и успокаивал её.

Вдохнув его, девушка ощутила себя в безопасности, словно лодочка, которая вернулась в бухту, чьи очертания стёрлись из памяти, но, оказывается, не забылись. И только сейчас она поняла, как скучала. А ведь когда-то ей стало казаться, что здесь тоскливо и ничего не происходит...

– Бабуля, я привезла тебе лекарств, – Стася начала раздеваться, вытаскивать из сумки покупки и одновременно рассказывать новости.

А Старая Ксения растопила камин и накрыла стол к ужину.

Стася оглядела комнату. В доме у бабули всё было просто, но необычно. Стены выкрашены в молочный цвет, от этого комнаты казались светлыми и большими. Ксения расписала двери картинками, нанесла искусные узоры вокруг окон. Везде были развешаны изящные толстые ивовые венки, перевязанные цветными лентами и украшенные деревянными сердечками или маленькими ягодками. Здесь было удивительно нарядно.

– Надо же! Бабуля, какая красота! – воскликнула Стася, указав на стол.

Старую деревянную столешницу Ксения старательно покрыла рисунком тонкого кружева, переплетённого с цветущими, будто живыми, веточками яблони.

– Это ещё что, а как чудесно теперь в твоей комнате! Я всегда знала, что ты вернёшься сюда! – ответила Старая Ксения и так светло улыбнулась, что Стасе опять стало тяжело на сердце.

Почему она-то забыла о бабушке? Почему не вспоминала о ней, хотя любила? В порыве нежности девушка снова прижалась к бабуле, а та понимающе заморгала, нежно и трепетно погладив внучку по плечу.

Потом были бесконечно долгие разговоры ни о чём за ужином, от которых на душе у обеих стало тепло, как от старого камина. И Ксения очнулась, только когда старинные часы пробили двенадцать. Она проводила внучку наверх, после чего долго ещё сидела в своей спальне, прислушиваясь, как Стася умывается перед сном, как укладывается спать...

А девушка целую вечность ворочалась в своей кровати, рассматривая красивые золотые звёзды и цветы, нарисованные на стене бабулиной рукой. Всё это излучало любовь. Ветер с моря усилился и бился в стены. Стася укуталась в тёплое мягкое одеяло и уютно устроилась под ним, словно в норке... Ставни тихо поскрипывали, где-то царапались о стену ветки деревьев. И под эти мерные звуки девушка незаметно заснула.

Ей снились детские сны. Она сразу их узнала, будто открыла дверь в сказочную страну, где маленькой проводила каждую ночь. Взмахнув крыльями, она полетела. Над мягкими зелёными равнинами, покрытыми густыми травами, которые медленно колыхались под ней, словно морские волны.

Глава 3

Утро встретило Стасю щебетом птиц. Знакомые с детства звуки и запахи старого дома окутали её и заставили улыбнуться. Сквозь полуприкрытые веки она смотрела на легко качающуюся от сквозняка штору. Солнечные лучи отражались в гранях зеркала и, весело дрожа, разбегались по стенам. Девушка слышала, что Ксения уже не спит – с первого этажа доносилось тихое позвякивание посуды и пахло чем-то вкусным. Много лет подряд Старая Ксения выключала маяк в четыре утра и потом уже не ложилась, хлопоча по дому, но всегда отдыхала пару часов днём, называя это на испанский манер сиестой.

Стася оглядела свою комнатку при утреннем свете. Почти всё здесь осталось, как в детстве: массивная кровать, заваленная подушками, на которые бабуля нашла кружевных салфеток; льняные шторы; большое низкое окно, на широком подоконнике которого удобно было сидеть и мечтать; на полках стояли бутылочки, полные гладких стекляшек, обточенных морем, а другие были набиты разноцветным песком, который они ещё с бабушкой собирали по всему побережью. Диссонировал со всем этим только ноутбук, поставленный Стасей вчера на столик с резными ножками. Увидев его, девушка улыбнулась ещё шире.

У неё был секрет, который мама бы не поняла: ей нравилось писать сказки. Они получались длинными загадочными и совсем не детскими. Когда два года назад она попыталась прочитать свои первые произведения матери, та разнервничалась, не захотела слушать и взяла со Стаси слово, что дочь «выкинет эти глупости из головы», потому что писатели – «лентяи» и «лежебоки», к тому же «редко кто из них много зарабатывает». Но Стася слово не сдержала. Просто стала тайно писать дальше и рисовать к своим сказкам иллюстрации, когда мать этого не видела. И сейчас девушка надеялась дописать свою первую книгу до конца, здесь, у бабули, где ей не надо было прятаться.

Воодушевлённая планами, она вскочила и побежала в ванную. Стасе с детства очень нравилось маленькое окошечко рядом с раковиной. Можно было чистить зубы и смотреть через него на край скалы и кусочек моря.

Пока Стася умывалась, на подоконник села чайка. Большая белая чайка, одно крыло которой было чёрным. Девушка замерла, и какое-то время они с птицей смотрели друг на друга, потом чайка взмахнула крыльями, и тут же поток воздуха подхватил её и поднял. «Ведьма Ветра», – вспомнила Стася и посмотрела на себя в зеркало. Разве ведьмы такие, как она? Ведьмы же очень красивые и таинственные. Стася придала взгляду загадочность и начала себя разглядывать. Что необычного в серых глазах и рыжих волосах? Конопушки по всему лицу, и рот чуть больше, чем надо. Остренький подбородок, и немного вздёрнутый, ничуть не таинственный носик. Стася, вздохнув, пошла одеваться.

Спустившись вниз, она застала Старую Ксению за плетением корзины из ивовых веток.

Бабуля, отложив работу, посмотрела на внучку с улыбкой:

– Как спала, Солнышко?

– Замечательно! – Стася потянулась, обнажив плоский животик, который от утренней прохлады сразу покрылся мурашками.

– Тогда садись, поешь, – Ксения придвинула к ней тарелку с варёными яичками и толстым ломтём чёрного хлеба, щедро смазанного маслом и посыпанного крупной солью.

Завтракая, Стася рассказала Старой Ксении о вчерашней встрече и приглашении трёх Лесных ведьм.

– Как ты думаешь, пойти или нет? – сомневалась девушка. – Что-то мне боязно. И вообще непонятно и страшно...

– Не придумывай себе проблем заранее. Попробуй и узнаешь, – ответила Ксения. – Они добрые женщины, хотя про них много чего говорят, но зла они не делают. Сходи!

Убрав со стола, Стася с бабушкой оделись и пошли на улицу. Сколько здесь было воздуха! Девушка не могла надышаться, словно всё это время была без воды, а сейчас припала к кристально чистому ручью и пила-пила-пила. И не могла напиться. От количества кислорода, в который окунулась, кружилась голова.

– На, собирай мусор, – Ксения сунула в руки внучки корзину, и они вдвоём начали собирать в саду нападавшие от ветра ветки.

Весь дом густо зарос деревьями. Чего тут только не было! Даже не верилось, что когда-то здесь царила пустошь. Сейчас подросли тополя, окружавшие участок по периметру, изящно изогнул ветки клён, который летом покроется бордовыми листиками. Торжественно зеленели стройные туи и густые ёлочки. Из-за дома пушистыми ветками махали большие старые сосны. На них жили белки, и порой было слышно, как они сбрасывают на крышу пустые шишки. Те падали, ударяясь с гулким стуком о черепицу, а потом катились, подпрыгивая, пока не слетали вниз... Среди деревьев было много кустов спиреи, рододендронов, сирени, роз. А уж сколько в саду росло трав и цветов – не сосчитать! Как можно было всё это втиснуть на небольшой клочок земли? Но самое удивительное, что бабушка засадила свой сад так, что всё время что-нибудь цвело.

Сейчас горели жёлтым два огромных куста форзиций, покрытых мелкими цветочками, а в траве расцвели крокусы и пролески. У каждого камня или ствола, тесня друг друга, они показывали миру свои красивые разноцветные короны: белые, лимонные, фиолетовые, голубые...

По веткам скакали птицы, над садом кружили чайки, напоминая о близости моря, шум которого быстро стал привычным, отчего ухо уже не улавливало его.

Стася очищала дорожку вокруг дома, любуясь мягкими кочками весёлого мха вокруг каждого камешка. Она подошла к северной стороне дома, плотно увитой тёмно-зелёными резными листьями плюща. Здесь было тихо, словно в заводи, и стояла маленькая деревянная скамейка.

Стася поставила корзину, присела на скамью и вытащила блокнотик, который всегда носила с собой. Открыла его и стала делать наброски. Если девушка видела что-то, её вдохновлявшее (а вдохновить её могла любая мелочь), она тут же садилась писать или рисовать. Но это были необычные работы. В них реальность сплеталась с фантазиями. Сейчас Стасю воодушевили листики плюща, она быстро набросала резную веточку, но на самом крупном листке пририсовала маленького эльфа в венке, который гладил божью коровку.

– Какая красота! Можно посмотреть твои рисунки? – сказала незаметно подошедшая Старая Ксения.

Стася протянула ей блокнот, и бабушка стала внимательно рассматривать наброски, потом подытожила:

– У тебя, дорогая, талант. Рисуешь ты удивительно красиво!

– Правда? – воодушевилась Стася. – А я ещё и пишу... Сказки.

– Да? – настал черёд удивляться бабушке. – Ты прочтёшь мне что-нибудь вечером?

– Обязательно...

– А сейчас давай закончим уборку и пойдём в дом. Я буду заниматься хозяйством, а ты отправишься к Лесным ведьмам.

...Уже в одиннадцать, когда солнце прогрело воздух, Стася поднялась по лестнице на самый верх утёса. Ей вдруг очень захотелось свернуть направо и подойти к маяку. Она даже ощутила давно забытую шершавую поверхность его стен, выбеленных краской. На секунду девушка задумалась, глядя вверх, где поблёскивали стёкла маяка. Ветер сразу растрепал её волосы, она собрала их в хвост, спрятала под шапку и решительно направилась к лесу.

У старой сосны девушка свернула на еле приметную тропку в гущу леса. Трава была влажной, и Стася порадовалась, что по совету бабули обула жёлтые резиновые сапожки – теперь ноги не промокнут. Она быстро дошла до Зуба Дракона – большого чёрного камня,

торчавшего среди деревьев, словно реальный клык огромного монстра. За ним Стася увидела белую ленточку на одной из веток осины, поодаль – ещё одну. И так, идя по белым лентам, она зашла в густую чащу, где лес над ней сомкнулся, а под ногами закончилась трава; здесь всё было усыпано плотным ковром жухлых прошлогодних листьев.

Но наконец впереди среди сосен показался маленький охотничий домик, над которым весело вился дымок. Стася подошла совсем близко к заросшим ступенькам и оробела. Весь домик окружала старая покосившаяся веранда, завешанная пучками трав. Подняться и постучать? Или уйти?

Но тут дверь распахнулась и вышла Лидия.

– О, пришла! Девочки, – крикнула она внутрь дома.

Тут же на веранду вышли Висия с Урсулой.

– Заходи! – пригласили они её в дом.

Стася зашла в хижину, пропахшую мхом и грибами. Здесь было жарко и темно, и только через несколько секунд, когда зрение прояснилось, она увидела открытый очаг, деревянный стол с лавками и стульями у окна, на котором на цветастом платке лежали наваленные в кучу корешки. Лидия, опустившись на одну из лавок, продолжила перебирать коренья. Висия устроилась у самого окна и стала что-то записывать в толстую тетрадь, подперев щёку кулаком, то и дело отвлекаясь на птиц, которые купались в большой поилке за окном.

Урсула подтолкнула Стасю к тёмному дивану за печкой. Тут стояла прялка и были набросаны тюки серой шерсти.

– Снимай куртку и подсаживайся ко мне, будешь помогать прясть.

Урсула ловко подоткнула юбку, села на самый краешек диванчика и, подпихнув ногой один из тюков к Стасе, сказала:

– Бери вон тот гребешок и вычёсывай шерсть. Делать это надо вот так, – она подхватила пучок и ловко-ловко заработала маленькой острой чесалочкой. На расстеленную на полу бумагу посыпались шелуха, мусор, и в руке Урсулы быстро остался только светлый пуховый комочек.

– И потом кидай мне, – она бросила комочек в очищенную кучу на диване.

Затем Урсула, пододвинув к себе старинную прялку, стала плавно нажимать ногой на педальку, и на конструкции задвигались колёсики, а из-под руки ведьмы появилась красивая ровная кручёная нить.

Повисла тишина, нарушаемая лишь звуками прялочки да шипением поленьев в огне.

Стася села на диван и неловко начала вычёсывать первый клочок. Сначала у неё не получалось. То она брала слишком большой клочок, то слишком маленький, то в шерсти оставался мусор... Но через полчаса тренировки, вспотев, девушка приноровилась, и Урсула перестала кидать ей обратно плохо вычесанные комки. Теперь Стася могла за работой даже оглядеться.

Домик был одноэтажным, с высокой покатой крышей, под потолком комнаты виднелись массивные, почерневшие от времени балки. На них стояла и была подвешена различная кухонная утварь. Источником света вечером здесь, видимо, были два плетёных абажура над балками, но сейчас их выключили. Свет давали три больших окна. Стена же с входной дверью была полностью заставлена комодами, стеллажами, закрытыми весёлыми ситцами с кружевами и полками, ломившимися от склянок, жестяных банок и бутылок. Ещё одна стена, каменная, была выбеленной. К ней примыкал очаг и маленькая печь. С обеих сторон печи размещались двери, сейчас приоткрытые. За ними, видимо, скрывались две спальни: видны были кровати, накрытые лоскутными одеялами.

– Хорошо тут у вас, уютно, – подытожила Стася впечатление от увиденного.

Но ей никто не ответил, ведьмы даже головы не повернули, и она не решилась сказать что-то ещё.

«Странно, – впад в какое-то забытье, – думала Стася, начёсывая шерсть уже автоматически. – Неужели так учат магии? Я представляла себе всё это по-другому. Ну там, волшебные книги, заклинания... Где я? Как-то всё так невероятно».

Ещё вчера жизнь была обычной и предсказуемой: дом – почта – мечтания и так по кругу... Она привыкла даже к череде чувств: с утра ей обычно было весело, в обед тоскливо, а к ночи совсем грустно... А сегодня? «Я чешу шерсть в лесной избушке, и меня окружают люди, которых я не знала...»

Скрипела ручкой Висия, глухо падали в банки отобранные Лидией корешки, и негромко шуршало веретенечко Урсулы. Девушка не заметила, как её глаза закрылись, а из рук тихо выпала чесалочка.

...Сколько Стася проспала, она не поняла, но, наверное, недолго. В комнате слышались всё те же звуки, под которые она засыпала. Девушка, заботливо прикрытая большой лёгкой шалью, очнувшись от сна, потянулась и, вспомнив, где находится, испуганно вскочила.

– Тише, тише, – успокоила её Лидия, – подумаешь, уснула. Здесь такое место волшебное – всё в душе успокаивается и тело засыпает.

Урсула, протянув Стасе конец нити, попросила скрутить её в клубок, а сама продолжила вить.

Стася исподтишка глянула на сосредоточенную женщину. Ей было лет 40. Длинные русые волосы обрамляли голову косами; тонкие губы делали её лицо не злым, а скорее, серьёзным. В серых глазах Урсулы словно серебрились переливы, от этого её взгляд был влекущим и таинственным. Одета она была в широкую горчичную блузу, расшитую ромашками, и длинную расклешённую коричневую юбку, украшенную резным поясом.

Лидия была старше лет на десять. Волнистые, до плеч тёмные волосы женщины уже посебрила седина. Улыбчивое лицо покрывала сеточка первых морщин, а в глубоких голубых глазах невероятной красоты читалось много мудрости, и от этого – много покоя. Ведь мудрый человек всегда спокойный. На Лидии был чёрный подпоясанный балахон, обшитый белой бахромой.

Но больше всех Стасе нравилась Висия. Наверное, потому, что она была самой молодой. По виду ей едва стукнуло тридцать. Тихая, светловолосая, с длинной косой до пояса. Стасе она напоминала саму Весну, особенно когда улыбалась и у неё на щеках появлялись задорные ямочки. У Висии были необычные глаза: один – светло-зелёный, а другой – цвета тёмного янтаря.

...Стася довертела клубочек и, когда нитка закончилась, спросила:

– А зачем самим ткать ниточки? Не проще ли купить их в городе?

– Нет, не проще, – строго ответила Лидия, – там таких ниток нет. В вещах, сделанных машинами, отсутствует душа. Из таких амулет не изготовишь, а значит, защиты не попросишь. Только то, что сделано руками, имеет душу и характер. Но таких вещей на свете всё меньше. Люди не замечают, как окружают себя бездушием. Им так проще. И только ведьма чувствует в вещах жизнь... Ну, Висия, хватит, заваривай всем чай. Урсула, принеси сыр, а я пока нарежу хлеба. Стася, помоги-ка мне убрать со стола.

Стася с Лидией быстро убрали остатки корешков, расставили на полки заполненные банки и достали приборы к чаю.

– Вот это будет твоя кружка, – протянула Урсула Стасе маленькую коричневую чашку с белой птицей.

Все уселись пить чай, жуя толстые ломтики сыра и заедая его чёрным пахучим хлебом с тмином.

– А когда вы меня учить начнёте? – осмелев, спросила Стася.

– Так ты уже учишься, – ответила Урсула.

А Висия с Лидией переглянулись и засмеялись.

– А ты думала, мы тебя за парту посадим? – хохотнула Лидия. – Нет, уроки жизни надо постигать только через саму жизнь. В колдовстве мало теории, больше практики. Эти знания передаются в основном не через уши, а через глаза и кожу. Тот, кто тонет в колдовских книгах, останавливаясь на теории, умнее не становится, а сходит с ума... Поела? – спросила она у Стаси, отодвинувшей кружечку.

Та кивнула.

– Ну, тогда одевайся и отправляйтесь с Висией за хвоей.

Стася натянула куртку, Висия тоже оделась и взяла корзиночку. Они вышли во двор и углубились в лес.

На воздухе Висия сразу стала касаться деревьев, мимо которых они шли, покрылась румянцем, глубоко задышала. А потом и вовсе принялась напевать какую-то весёлую песенку на незнакомом языке. Стася за ней еле попевала.

В лесу было тепло и тихо, на многих деревьях набухли почки, другие покрылись длинными серыми серёжками. Несколько раз девушки замечали зайцев, которые только-только меняли свои зимние шубки на весенние, и от этого хорошо были видны издали...

Когда девушки подошли к ельнику, Висия поклонилась ближней пушистой ёлочке и попросила у неё разрешения сорвать пару веточек. Они со Стасей быстро собрали молодые побеги. У другой ели всё повторилось.

– А зачем мы собираем это? – спросила Стася.

– Будем делать отвар и настой. Еловые ветки очень полезны. Это лучше витаминов из аптеки.

Корзина наполнилась, и девушки двинулись в обратный путь. По дороге Висия рассказывала Стасе, как называются окружавшие их деревья и кусты.

– Ты столько знаешь! – удивилась Стася.

– Конечно. Я же заканчивала биологический факультет... – спокойно ответила Висия.

– Правда? Так отчего не стала работать по специальности?

– Потому что у каждого своя стезя. Моя – быть Лесной ведьмой и находиться здесь, – развела руками Висия, указывая на лес.

– А как ты поняла, где твоя дорога?

– Когда её находишь, то сразу узнаёшь. Сердце волнуется и радуется.

– А как вы меня выбрали? Как поняли, что вам нужна именно я?

– По глазам. Вернее, по тоске в них. У каждой будущей ведьмы в глазах затаённая тоска. По тому миру, который она не знает. Но чувствует... – Висия помолчала, а потом продолжила: – Почти все вокруг живут с закрытыми глазами – слепыми...

– Как это? – растерялась Стася...

– С закрытыми глазами сознания. Но только у ведьмы они открыты с рождения. Как у тебя.

Оставшийся путь девушки провели молча, каждая думала о своём, пока не вышли на дорогу у сосны. Стася сразу узнала это место.

– Ну что же, беги к своей бабушке! А мы тебя будем ждать завтра! – помахала рукой Висия.

Попрощавшись, Стася, полная впечатлений, понеслась к дому Старой Ксении. Она даже не заметила, что над ней тихо кружит ворон Арон. Он проводил её до бабулиного сада и, только когда Стася закрыла калитку, полетел обратно.

Глава 4

Перед тем как зайти в дом, Стася оглянулась и сквозь ещё прозрачные кусты глянула туда, где в потёмках чернело море. По нему время от времени пробегали отсветы маяка, зажжённого Старой Ксенией.

– Спокойной ночи... – нежно сказала девушка морю.

«Ш-ш-ш-ш...» – набежавшей на берег волной ответило ей оно.

Когда Стася зашла в коридор и стянула с себя сапожки и куртку, у неё зазвонил телефон. Это была мать.

– Привет, – сказала Агния. – Ну как ты там? Как Ксения?

– Привет! Всё хорошо. Налаживаем быт. Бабуля бодрa и весела, – Стася тщательно подбирала слова, чтобы чем-нибудь не огорчить маму, не вывести её из равновесия. – А ты как?

– Тоже хорошо. Только пришла с почты. Готовлю ужин.

– Тогда приятного тебе аппетита!

Обе помолчали, не зная, о чём говорить. Кажется, обеих разговор немного напрягал.

– Дочь, звони, если что. Пока. Целую тебя!

– И я тебя...

Стася положила трубку и, распрямившись, вдруг поняла, что разделась впервые за долгие годы. Нет, она, конечно, снимала с себя одежду каждый день. Но здесь, у бабули, – она освободила свою душу. Девушка не думала каждую секунду, что сказать, будет ли это правильно и как воспримут её слова... В городе Стася постоянно подстраивалась под всех, поэтому и скрывалась, будто рак-отшельник, потому что вечная игра, которой хотелось окружающим, требовала много душевных сил. Но здесь она была рада общению, ведь говорила только то, что думает...

Стася почувствовала себя свободной и, глубоко вздохнув, шагнула в тёплую комнату.

Её уже ждала бабуля. Они быстро сели есть. Стася жевала дымящуюся разваренную картофелину в мундире, щедро политую душистым маслом, и чувствовала себя абсолютно счастливой. Бабушка рассказывала, как она провела день. К ней опять приезжал врач, выписал ей новые лекарства.

– Ты будешь мне делать уколы? – спросила она у внучки.

– Конечно. Но я не умею, придётся почитать об этом. Бабуль, я всё сделаю, лишь бы ты выздоровела.

Ксения погладила её по щеке.

Затем они болтали и занимались хозяйством, а когда переделали все дела, Стася, просмотрев видеоуроки, сделала бабуле укол и села на краешек кровати, почитать ей свои сказки.

Закончив, внучка повернулась к Старой Ксении и увидела, что та плачет.

– Что ты, бабуля?! – испугалась девушка.

– Я плачу, потому что ты очень талантлива. Я никогда не слышала ничего лучше твоих сказок, – сказала Ксения, вытирая глаза краешком одеяла.

Вокруг, и в доме, и за его стенами, царила тишина. Вдруг на чердаке что-то закрипело. Словно там кто-то медленно ходил. Стася покосилась на потолок и вжала голову в плечи.

– Не бойся. Это дух дома. Он добрый и такой же старый, как само это жилище. Ему уже больше ста лет. Он всегда так скрипит. Особенно весной и осенью, – успокоила её бабуля.

– Скажи, – спросила Стася, – а когда ты осталась одна в этом доме, тебе не было страшно? Одно дело жить с кем-то, а другое – одной...

Глаза Ксении потеплели:

– Милая, мне было очень страшно поначалу. Особенно вечерами. Так страшно, что казалось, я умру от ужаса. И сколько раз я так умирала по ночам – и не сосчитать. Ложилась спать и боялась. Прощалась со светом... Но всегда наступало утро. А потом я просто устала бояться

и привыкла. Когда что-то повторяется сотню раз, то к этому привыкаешь. Поэтому нельзя терпеть плохое. К нему тоже привыкнешь...

Ксения закрыла глаза. Стася наклонилась к ней, крепко поцеловала в щёку, пахнущую лавандовым кремом, и сказала:

– Я тебе желаю, как ты мне в детстве, – цветных снов. Спокойной ночи!

Стася тихо вышла в коридор, прикрыв дверь. Сама она так рано не ложилась. Наступило её время. Она налила себе на кухне крепкого чая, положила на поднос большое яблоко и печенье и в радостном предвкушении поднялась к себе в комнату, зарылась в кровати среди подушек и, открыв ноутбук, стала вдохновенно работать над новой сказкой.

За окном на чистом небе заблестели большие звёзды. В городе они не так видны из-за фонарей, а здесь на долгие километры вокруг, кроме маяка, ночью света не было. Стася вспомнила, что в детстве ей казалось, будто летом звёзды пахнут ванилью, а зимой – имбирным печеньем.

Сегодня у неё было столько вдохновения, которое, словно огромное море внутри, подбрасывало ей новые сюжеты и истории, что она едва успевала записывать мысли и делать зарисовки. Выплеснув всё то, что хотела, на белый лист, удовлетворённая и опустошённая, девушка сладко заснула...

Стасю разбудил солнечный зайчик, скакнувший ей на щёку. Он пощекотал ей нос, она поморщилась, чихнула и проснулась. Одевшись, спустилась вниз. Но Старой Ксении не было в доме. Стася схватила со стола кусок хлеба, заварила себе в огромной чашке кофе, бухнув туда три ложки сахара. Натянув бесформенный толстый тёплый свитер, длинные носки, она сунула ноги в большие тапки, в которых могла ходить, словно лыжник по талому снегу, почти не отрывая пяток от земли, и вышла на крыльцо.

Небо было ясным и высоким. Стася устроилась в старом кресле-качалке, где любил когда-то сидеть дед. Она отхлёбывала кофе и смотрела на покрывшийся нежным зелёным пухом сад. У самого крыльца расцвели маленькие голубые пролески. В ветках щебетали птицы, воробьи купались в песке у забора, и низко-низко над домом пролетели, свистя крыльями, два лебедя.

Стася коснулась рукой досок стены дома. Они были приятными – тёплыми от солнечных лучей. Словно руки бабушки. Вдруг Стася услышала странные звуки, и её сердце заныло. Ей показалось, что она слышит знак чего-то сладкого и долгожданного. Девушка подняла голову на звук – это над миром летели клинья уток. В небесной выси они окликались друг друга гортанными отрывистыми голосами, так взволновавшими сердце Стаси.

Из-за угла дома вышла Старая Ксения. Она заслонила ладонью глаза от солнца и, тоже улыбаясь, взглядом провожала клинья птиц, пока они не скрылись за утёсом.

– Знаешь, – спросила она Стасю, – почему так сладко ноет в груди каждый раз весной, когда возвращаются птицы? Они дают нам надежду, что после холода придёт тепло, а после печали – радость.

Старая Ксения присела на ступеньку и продолжила:

– Каждую весну моя душа расцветает вместе с природой. Кажется, что я старое занесённое снегом дерево. Но вот приходит весна, и душа моя даёт новые ростки. И не важно, сколько тебе лет, что тебя огорчило или сломало до этого. Весна – время надежд...

– Да, бабуля, ты права, – согласилась Стася, – меня весна тоже всегда вдохновляет. Особенно эта.

Обе помолчали. Каждая думала о своём.

– Сегодня не задерживайся в лесу, – предупредила внучку Ксения, – вечером будет буря.

– Хорошо, тогда я побегу к Лесным ведьмам прямо сейчас, как только сделаю тебе утренний укол!

Глава 5

Стася бежала знакомой дорогой, уже не обращая внимания на развешанные ленточки. Но, оказывается, она не так хорошо её запомнила. Очнулась, лишь когда выскочила на незнакомую поляну, усыпанную подснежниками, и у неё из-под ног вспорхнула небольшая пичужка. Она вила здесь гнездо, а Стася её сильно напугала. Птичка села на ветку на уровне Стасиных глаз, и теперь она и девушка заворожённо смотрели друг на друга... Это была небольшая светло-оливковая пичужка с желтоватым животиком и полосочками над глазками. Стасю заморозил её взгляд. В глубине зрачка птицы плескался целый космос. Девушке вспомнились учебники по астрономии с рисунками галактик. Одна из них была сейчас перед ней, в этой маленькой птичке...

– Что же меня тревожит и рвёт изнутри? – вдруг спросила у неё Стася.

Она видела осознанный взгляд, почувствовала, что птица её поняла. Ей казалось, ещё мгновение и та ответит...

Но тут к ним сверху слетел Арон. Он сделал круг и недовольно каркнул, видимо, раздражённый тем, что Стася сделала остановку. Маленькая птичка унеслась в лесную чащу, а девушка пошла вслед за низко парящим вороном, и он быстро вывел её обратно на тропу.

И вот уже знакомый домик сверкнул окошками среди веток, обсыпанных зелёной пудрой первых листочков...

Стася вбежала по ступенькам и радостно толкнула дверь. Вместе с девушкой влетел Арон и ещё раз каркнул, усевшись на балку.

– Здравствуй, Ведьма Ветра! – с улыбкой приветствовала Стасю Урсула. – Арон жалуется, что ты сбилась с пути.

Стася рассказала о встрече с птичкой.

– Ты видела пёночку-весничку, – объяснила Висия и не спрашивая сунула ей в руки кружечку, наполненную душистым еловым чаем с мятой.

– У пёночки был такой осознанный взгляд! И целый мир внутри, – вспоминала Стася.

– У каждого живого существа целый мир внутри. Только люди этого не замечают и часто топчут чужую галактику или хотят себе подчинить, – вздохнула Висия.

– Зачем? – растерялась Стася, присев за стол и отхлебнув чаю.

– Они говорят, что из любви... – отозвалась вышедшая из спальни Лидия, – на самом деле, просто хотят чужой мир себе. И думают, что имеют на это полное право.

Стася задумалась, глядя на букет подснежников, стоящий в вазочке на столе.

– Эй, пей скорее, и приступим! Сегодня дел много. Тем более что ещё будут гости, – сказала Висия, поглядев вверх.

– Гости? – удивилась Стася.

– Да. У нас частенько бывает кто-то. Почти ежедневно, – пояснила Висия. – Каждый приходит со своей бедой. Лидия умеет лучше всех лечить и заговаривать раны. Я вижу судьбу в хрустальном шаре и владею картами...

– А Урсула? – спросила заинтригованная Стася.

– А я знаю и умею столько всего, что тебе и не пересказать, – засмеялась та.

– Урсула – ясновидящая. Но дар к ней приходит независимо от её желания, – добавила Висия.

Сегодня в избушке разговоров было больше, чем вчера. Сначала Стася помогала Висии переписывать рецепты старых снадобий, потом они с Лидией чистили и резали апельсины.

– Откуда их столько? – удивилась девушка, глядя, как Лидия поставила на стол целый ящик оранжевых плодов.

– Вчера принёс посетитель. Нам платят деньгами, но нередко по старинке приносят и продукты, – ответила Лидия и высыпала часть апельсинов в корзину. – Оставшиеся мы должны нарезать и разложить на подносах. На печи они подсохнут и для многого сгодятся.

Стася, взяв нож, подцепила сочную кожуру. Ей на руки брызнул фонтан капель, апельсин сразу окружило ароматное облачко.

– Но и кожуру не выбрасывай, она тоже нужна, складывай сюда, – Лидия подтолкнула к Стасе пустую корзину.

В ней быстро начали скапливаться душистые спиральки срезанных фруктовых шкурок. Весь дом мгновенно пропитался свежим цитрусовым запахом.

– А зачем нам кожура? – спросила Стася. – Моя бабушка раскладывала её по шкафам, чтобы там вкусно пахло...

– Кожуру я высушу и перемелю, – объяснила Лидия, – из неё делаю ароматические палочки. И ещё этот порошок лечит даже самый сильный кашель.

– Оставьте мне один, самый большой! – подскочила к ним Висия и схватила крупный апельсин. – Я сделаю для Стаси поумэндер.

– А что это такое? – удивилась девушка.

– О! Поумэндер – волшебная штука. Сначала я погружу апельсин в горячую воду, а потом утыкаю его черешками распаренной гвоздики. Знаешь такую приправу?

– Знаю.

– Так вот, – продолжала Висия, вертя перед собой оранжевый мячик, – а потом я завяжу его в прозрачную тафту и украшу лентами. А ты подвесишь его в своей комнате, и он будет отгонять собой злых духов.

– Здорово! – восхитилась Стася.

Все снова углубились в работу.

– Я хочу задать вам вопрос, – чистя очередной апельсин, вдруг обратилась Стася к ведьмам.

– Какой? – спросила Лидия.

– Меня что-то мучает изнутри. На какое-то время перестаёт, но потом накрывает снова.

– А чего бы ты хотела сейчас больше всего на свете? – спросила Урсула.

– Наверное, любви. Я хочу встретить парня...

– Но ты ещё не готова к такой любви, – встревожилась Висия, – ты ещё не узнала себя.

И пока этого не случится, не сможешь полюбить по-настоящему.

– Однако любят и младше меня, – упрямо сказала Стася.

Ведьмы молчали, и она повторила:

– Встречу ли я кого-нибудь, кого буду любить? Я очень хочу любви.

Висия, удалившись в спальню, вернулась оттуда с истрёпанной колодой карт. Она перетасовала их и обратилась к Стасе:

– Задай мне вопрос...

– Ответь, я – счастлива? – спросила та. – Потому что я не знаю...

– Такое по картам не определяют, – сказала Висия.

– Почему?

– Люди иногда бесконечно счастливы, но не понимают этого. Удивительно, правда? Если человек хочет пить, то он точно это знает – его мучает жажда. А если он счастлив, может и не догадываться...

– И что, нет рецепта для счастья?

– Есть настои для покоя, присыпки от боли. Только рецепта счастья нет. Людское счастье всегда разное. У каждого своё.

– А как же его определить?

– По глазам... В глазах счастливого человека всегда мерцающий свет и безмятежный покой.

– А в моих?

– В твоих нет покоя...

– Тогда... – помедлив, Стася задала ещё один вопрос: – Встречу ли я любовь? Будет ли у меня парень?

– Ты встретишь то, что хочешь. И очень скоро, но...

– Правда? – Девушка подбежала и обняла Висию. – Правда встречу?

Она запрыгала и захлопала в ладоши. Ведьмы переглянулись, но Стасю захлестнула радостная весть. Да, она мечтала о любви. Все её одноклассницы и знакомые уже познали это чувство. Она видела, как люди меняются, когда влюблены. Стася не раз наблюдала, как это происходит со сверстницами. В один прекрасный день в них загорался свет. Глаза становились по-кошачьи таинственными, взгляд покрывался туманной поволокой, а с губ не сходила блуждающая улыбка. Словно они только что вдохнули запах розы. Сладкий, загадочный, невообразимый... Неужели это случится и с ней?!

Всех отвлек стук в дверь. На несколько секунд они застыли, а потом Урсула обратилась к тому, кто за дверью:

– Войдите, не заперто.

В комнату зашла усталая женщина и обратилась к ведьмам с такими словами:

– Помогите, дорогие ведьмы! Прошу вас и заклинаю! Помогите!

– Что случилось? – спросила у неё подошедшая Урсула.

Женщина торопливо стала копаться в больших карманах пальто, потом достала бумажку, развернула её и протянула Урсуле фотографию.

– Это мой сын, – пояснила она. – На нём какое-то страшное проклятие. Порча.

Урсула подошла к окну, где света было больше, и долго внимательно смотрела на фото. А потом, обернувшись к женщине, спросила:

– Откуда ты знаешь, что на нём порча?

– Моему сыну почти 30 лет... Ах, какой это был славный мальчик! – всплеснула руками женщина и, сев на предложенный Висией стул, продолжила: – Муж мой рано умер. Одно осталось счастье – мой сынок. Но сейчас куда ни пойдёт на работу, везде его обижают. Все к нему придираются. Ни в чём ему не везёт. Он целыми днями лежит дома и переживает. Снимите с него это проклятие!

Урсула протянула Лидии фото молодого мужчины. Та близоруко прищурилась, глядя на карточку, и спросила:

– Как зовут твоего сына?

– Адриан.

– Адриан тяжело болен, женщина.

– Чем?! – посетительница вскочила и от ужаса сжала руками собственное горло.

– Ленью.

– Чем?! Ленью? – переспросила она. – Но разве ею болеют?

– Да, – покачала головой Лидия. – И поверь, лень убила больше людей, чем все войны мира вместе взятые. Она живёт в каждом и порой, как в твоём сыне, постепенно побеждает все хорошие качества человека: доброту, сострадание, стыд... Заволакивая всё существо только собой...

– Я всё же не понимаю, как можно болеть ленью? – женщина бессильно опустила на стул.

– Лень есть во всех, но когда человек растёт, он учится с ней жить и договариваться. Он владеет собой и своей жизнью. А существованием твоего сына давно завладела лень.

– Но он хотел бы работать. Он хотел бы стать нужным и найти своё место на земле. Просто Адриан хочет ещё и свободы, не терпит никакого насилия.

– Многие лентяи оправдывают свою жизнь стремлением к свободе. Однако свобода – это когда ты отвечаешь за себя полностью: что тебе есть и где тебе жить. А не рассчитываешь на вечную помощь и обслуживание окружающих.

– Что же мне делать? – растерялась женщина, её голова поникла.

– Вылечить лень можно только трудом. Оторви от себя сына. Пусть с этого дня он займётся о себе сам. Во всём.

– Но он же не работает! Он ищет, но не может найти себя. И сам страдает от этого.

– Пусть берётся за любую работу и, занимаясь ею, ищет себя дальше.

– Но что же ему, в дворники идти, что ли? – оправдывала сына мать.

– А хоть бы и в дворники! – начала сердиться Лидия.

– Но ведь он будет получать очень мало...

– А сейчас сколько он получает? – поинтересовалась старшая ведьма.

– Ничего.

– Женщина, ты не знаешь математики? – отрезала Лидия. – Мало – это больше, чем ничего. Бери своё фото и иди.

– Я что-то должна вам?

– Нет, – провожая её до порога, сказала Висия, – но ты должна сыну. Помоги ему освободиться. Ты, жалея, губишь его.

Когда за посетительницей закрылась дверь, Урсула задумчиво изрекла:

– Лень подобна условно патогенной флоре. Есть везде, но только при излишней заботе разрастается плесневелым грибок, заволакивая собой человека...

Стася удивлённо посмотрела на неё.

Урсула, поймав этот взгляд, сказала:

– Что смотришь? Одевайся! Сегодня я тебя провожу.

Пока девушка одевалась, Висия вынесла ей поумендэр. Он получился удивительно красивым и невероятно вкусно пах. Висия укутала его в лёгкую кисею, перевязала кружевами, пропитанными душистым маслом, и украсила бусинами и паетками. Стася спрятала его в свой рюкзачок.

Она распрощалась с Висией и Лидией и вместе с Урсулой вышла на улицу.

Какое-то время они шли молча, а потом Стася, не выдержав, спросила:

– А откуда ты знаешь про условно патогенную флору?

– Я когда-то была ассистентом профессора медицины, – нехотя ответила та. – Давно это было. В прошлой жизни... В несчастной жизни.

Они опять замолчали, но потом уже Урсула задала вопрос Стасе:

– Ты говорила, что хочешь любви. Но почему?

– Мне кажется, с ней я стану счастливее.

– Счастье не от этого рождается в человеке, а от гармонии с собой. Ты не умеешь находить равновесие в себе. Представь, насколько будет труднее найти его и удержать, когда на тебя ещё и любовь свалится.

– Но любовь же не мешок с картошкой, – возразила Стася.

– Да, не мешок, – согласилась Урсула, – она побольше будет. И потяжелее.

– А как же крылья, которые даёт это чувство? О которых пишут в стихах и книгах?

– Крылья у тебя и так есть. Ты же Ведьма Ветра. Только пока ты ими не пользуешься, – устало проговорила Урсула, а потом попросила Стасю: – Свернём ненадолго с дороги? Я наберу воды. Тут совсем недалеко, – указала она в сторону.

Действительно, буквально в нескольких метрах от тропки за большим валуном бил родничок. Здесь он вычистил себе ложбинку, наполненную переливающимися на солнце камеш-

ками, а дальше превращался в небольшой ручеёк, весело бежавший в глубь чащи. Журчала хрустальная вода, и Стася, даже не прикасаясь к ней, чувствовала её холод. Над ними щебетали птицы, и девушка явственно поняла, о чём они поют.

«Весна прекрасна, – пела одна птица, – она восхитительна! Спасибо природе за тепло!»

«И за корм!» – простучал где-то рядом азбукой Морзе дятел.

«Она дарит нам яркие краски! И много любви», – допела другая птичка.

Урсула достала из широкого кармана маленькую плоскую фляжку и нагнулась набрать воды.

– Я думаю, – воодушевлённо сказала Стася, глядя в небо и обхватив ствол дерева, – что любовь – это так красиво!

– Красиво? – Урсула резко разогнулась, побледнев. – Наверное, это слово я употребила бы последним, описывая любовь... – Она помолчала, подбирая слова, а потом продолжила: – Головокружение до ступора и внутреннего изнеможения. До опустошения и одновременного воскрешения. Ты летишь или падаешь? Не знаешь... Но точка невозврата мгновенно пройдена... Препней жизни больше никогда не будет... Тебя накрыла любовь. Ты слышишь, как хрустят твои собственные кости под её гнётом, не выдержав натиска. И лишь подаёшься вперёд. Инстинкты отключены, всё твоё существо теперь подчинено не тебе... И здесь можно рассчитывать только на щедрость любимого. Если он, не наполненный ответным чувством, милосердно пожалеет тебя и не прикоснётся... Тогда ты просто будешь убита, но хотя бы не распята... Нервы оголены и натянуты до предела, но от этого они улавливают каждое движение души любимого... Любовь. Сладкая боль и абсолютная невозможность контролировать собственный разум. Всё подчинено ей одной – большой и безбрежной... И не важно, к кому накрыло тебя это чувство. Оно сожжёт душу дотла, однако ты будешь счастлива, потому что нет прекраснее этого огня... На планете любви солнечные затишья сменяются разрушительными бурями, после которых не остаётся ничего, кроме самой любви... Ты можешь быть в отчаянии, в обмане, в возбуждении... Но контролировать её невозможно, так же, как уже случившийся атомный взрыв... Я любила один раз... Снова и снова. Каждый день заново... Каждый день... И целую вечность... – она помолчала, а потом тихо добавила: – И да, это красиво... Это так же красиво, как увидеть прекрасную землю с высоты, выпрыгнув из самолёта. Но ты не знаешь, есть ли у тебя парашют за спиной. И раскроется ли он...

Стася стояла потрясённая. Ей нечего было сказать. Урсула двинулась вперёд, взяв девушку за руку. Шли они быстро и молча. Каждая была переполнена эмоциями.

Урсула довела Стасю до самого маяка. Здесь они расцеловались и обнялись, уткнувшись друг в дружку. Они долго стояли на тёплом ветру. И обе плакали, стесняясь своих слёз. На Урсулу нахлынули воспоминания, которые выплёскивались через край, а Стася плакала от того, что чувствовала боль Урсулы и не могла ей ничем помочь...

– Пойдём, – вдруг сказала девушка, наконец глянув на печальное, мокрое от слёз лицо Урсулы. Схватив Лесную ведьму за локоть, она повторила: – Пойдём со мной.

Стася потащила её по лестнице вниз. Они пробежали мимо домика по каменной тропинке, потом по выцветшим доскам настила, пока их ноги не увязли в песке и из-за дюны, покрытой белыми сухими травами, колыхавшимися на ветру, не показалось Оно. Огромное. Спокойное. Живое и величественное. Море.

Они медленно шли по берегу, и дыхание Урсулы стало легче, щёки опять порозовели, слёзы высохли. Подруги молчали, и только набегающие волны иногда нежно касались их обуви.

Почти у самого утёса Урсула благодарно сказала:

– Спасибо тебе... Море – великий растворитель... Оно растворяет печали, смывает грусть, успокаивает раны.

– Когда мне плохо, я всегда прихожу к морю, – прошептала Стася. – Здесь всё просто и понятно...

Вокруг сгустились синие сумерки. Опаловые волны поблёскивали и тихо шуршали. Только чайки закружили низко над берегом и стали печально кричать, о чём-то предупреждая.

Через полчаса над гладью моря стали быстро сгущаться тучи. Ветер усилился и уже не трепал нежно волосы, а рвал их, пытаясь сильнее запутать.

– Бежим! – подхватила Стасю Урсула.

И они понеслись обратно к домику.

У заборчика, белевшего в быстро надвигающейся темноте, Стася спросила:

– Может, зайдёшь к нам?

– Нет, я побегу домой. Я ещё успею до шторма, – и Урсула кинулась к лестнице.

Глава 6

На крыльце Стася встретила бабулю. Та натянула рыбацкий плащ и выглядела со спины как суровый моряк, но на её лице была усталость и болезненность.

– Иди в дом. А я побегу зажигать маяк, – Старая Ксения подтолкнула Стасю к двери. – Сегодня раньше, потому что из-за надвигающейся бури скоро стемнеет и потом будет трудно подняться по лестнице.

– Нет, я пойду с тобой, – твёрдо сказала девушка, лишь бы не отпускать сейчас бабулю одну.

– Ладно, хорошо. Только быстрее. Шторм налетит в любую минуту.

На перила крыльца вдруг села чайка. С чёрным крылом. Она посмотрела на Ксению и стала кричать, будто подгоняя их. Постояла так, покосилась на них чёрным глазом и улетела.

– Я вижу эту чайку не в первый раз, – сказала Стася.

– Да, она живёт здесь, на скале. Я кормлю её, она считает Медовую бухту своей. Пойдём скорее! – тревожно сказала Ксения, глядя на небо.

Стася кинула на крыльце рюкзак, и они, преодолевая порывы ветра, двинулись к лестнице. Ветер был такой сильный, что уже сбивал с ног, порой, чтобы устоять, приходилось хвататься за что-нибудь.

Наверху лестницы шквал усилился. На пустоши ветер склонил к земле кустики ивы и шиповника, и от этого место у маяка выглядело совсем голым. Ксения и Стася быстро добежали до здания и с трудом открыли старый засов.

Когда они зашли внутрь и закрыли за собой дверь, стало совсем тихо. Толстые стены маяка заглушали все звуки. Ксения включила свет. Лампочка тускло осветила небольшую комнату. Здесь находились тумблеры от маяка, стол и пара стульев. Из комнатки вела ещё одна дверь – в сам маяк. Он был полый, и только винтовая лестница по стене вела наверх.

Ксения включила огни, но на табло один из них не загорелся.

– Ох, боже мой! – она выскочила в помещение маяка, посмотрела вверх и всплеснула руками. – Ну надо же!

Ксения снова подёрнула один из рычагов, но лампочка всё равно не зажигалась.

– Задержимся. Один рычаг надо включить вручную наверху. Видимо, застряла задвижка какого-то зеркала. Сиди здесь, а я схожу туда, – предупредила она внучку.

– Нет, бабуль, я это сделаю быстрее. Я помню, как поправлять зеркалА. Дед мне показывал.

Стася выскочила в гулкое чрево маяка и стала взбираться по ступеням. Ксения в это время притушила на пульте управления огни, чтобы Стасю наверху не ослепило...

Чем выше поднималась девушка, тем слышнее становились завывания ветра. Через пару минут восхождения Стася была на месте – перед маленькой дверкой. Она вспомнила, как они ходили сюда с дедушкой. Тот же запах пыли и влаги. Те же скрипучие доски под ногами... Стася с волнением дёрнула ручку и зашла внутрь маленькой круглой комнаты с огромной лампой посередине. Стася осмотрела оборудование, вспоминая, как называется каждая деталь, словно сейчас она снова вернулась в детство и дедуля, покуривая трубку, хриплым голосом объяснял ей устройство маяка. Действительно, застряло одно из зеркал. Стася легко всё исправила.

В панорамные окна вокруг лампы ветер швырял пригоршни воды – снаружи начался ливень. Стася придвинулась к одному из стёкол и, сделав руками туннель, пыталась разглядеть, что происходит за окном. Потом, несколько секунд подумав, оглянувшись на входную дверь, она решительно подошла к другой дверце – ведущей наружу. Рванула заглушку и... вышла

на узкий металлический балкончик, опоясывавший весь маяк. Тяжёлая дверь за ней плавно закрылась.

Стасю встретил такой порыв ветра, что у неё потемнело в глазах и перехватило дыхание. Её прижало спиной к двери. Она судорожно вытянула руки, схватилась за перила и подтянулась к ним. Под ней было 50 метров до скалы и ещё примерно 70—80 до самого бушующего моря. Оно билось о прибрежные валуны с такой силой, что брызги долетали до Стаси и солёными каплями оседали на лице. А сверху, слева и справа хлестала пресная дождевая вода. Её было настолько много, что казалось, Стася плавает. Девушка мгновенно промокла.

Буря взбила и перемешала воздух и воду, словно в большом миксере, от этого всё вокруг пахло озоном, водородными и ещё какими-то неведомыми глубинными запахами.

Над Стасей было чёрное небо в сверкающих молниях, под ней кипело море, а в душе царил ликование.

– Ура-а-а-а, – громко и протяжно закричала она, зажмурившись, – ура-а-а-а-а!

Хотя она кричала во весь голос, буря легко потушила её крик, мгновенно утопив его в раскатах грома.

А вода лилась и лилась, словно кто-то открыл наверху кран на полную катушку.

Через пять минут, счастливая, взъерошенная и утомлённая, Стася уже спускалась по лестнице.

Ксения, слышав её шаги, включила на полную мощность фонари маяка. Но когда она увидела Стасю, напминавшую всклоченного помытого тощего котёнка, то сначала испугалась. Однако счастливый вид внучки говорил, что всё хорошо.

– Выходила на балкон? – только и спросила Ксения, качая головой.

– Ага, – заулыбалась Стася, – пойдём домой, бабуль, я кушать хочу.

Они еле открыли дверь – буря не давала им выйти. Заперли замки и стали аккуратно спускаться по лестнице. Первой шла Ксения, держась за перила. За ней – внучка. Металлические ступени были мокрыми и скользкими. На середине лестницы, чуть не поскользнувшись, бабушка обернулась, предупредить Стасю об осторожности, но сама не удержалась и покати-лась кувырком вниз. Она пролетела пару пролётов и упала, ударившись головой о торчащий выступ. Стася ринулась к ней, несколько раз едва не сорвалась, повиснув на перилах.

Старая Ксения была жива, только из раны на голове сочилась кровь, смешиваясь с дождём и окрашивая песок под лестницей в алый.

– Там, в маяке, есть аптечка со всем необходимым, – слабым голосом пробормотала бабушка, показывая вверх.

Стася секунду думала, что делать. Возвращаться назад? А дойдут ли они? Нет, всё же лучше попробовать дойти до дома.

Заливаясь слезами, перекрикивая шторм, девушка пыталась поднять Старую Ксению. С третьей попытки ей удалось это. Она взвалила на себя бабушку, перекинула её руку через свою шею и аккуратно стала спускаться. У неё дрожали руки, с ладоней мгновенно стёрлась кожа, но больше всего на свете Стася боялась уронить Ксению. А та шла почти вслепую, кровь заливала ей глаза.

– Бабуля, потерпи... Бабуля, потерпи, – приговаривала Стася, как молитву.

Через полчаса они зашли в дом, девушка закрыла дверь и выдохнула. Они, не раздеваясь, сели на стулья. С них стекала вода и грязь, но они не обращали на это внимания, а с ужасом смотрели друг на друга, переживая случившееся снова и снова.

Стася вскочила; порывшись в комод, нашла чистое полотенце и приложила ко лбу бабушки. Рана казалась небольшой, хотя крови было много, что сильно испугало их.

Когда масштабы бедствия были осмотрены, рана просушена и заклеена, обе вдруг стали смеяться. Это была странная сцена. В комнате сидели две мокрые фигуры, покрытые кровью

и водой, со свисающими сосульками волос, и во весь голос хохотали. И не могли остановиться. Как только они пытались успокоиться, на них накатывала новая волна.

Смех растворил весь адреналин. Они вдруг разом обмякли, стянули одежду, привели себя в порядок, переоделись, помыли полы. Старая Ксения замотала голову на старинный лад белым платком, закрыв рану; обработала стёртые руки внучки. И тут Стася вспомнила, что голодна.

– Ой, мне же сегодня принесли подарок! – сказала Ксения и побежала в холодный коридор.

Она внесла оттуда большую корзину, наполненную мелкой серебристой рыбкой. В комнате сразу запахло свежестью.

– Это принесли рыбаки, – пояснила Ксения, – у них за утёсом временная база, они заходят ко мне между путинами.

– Корюшка! – узнала Стася, глядя на переливающуюся рыбку, покрытую мелкой сеточкой рисунка.

– Да. Весеннее богатство нашего моря, – Ксения вывалила рыбу на стол и скомандовала Стасе: – Доставай-ка муку и соль, приготовь сковороду и масло. А я пока почищу нашу добычу.

Хозяюшки занялись каждая своим, и уже через несколько минут над чугунной сковородкой вился дымок, разнося по дому аромат свежей жареной рыбы. А через полчаса они сидели за столом, словно две кошечки, жмурились от удовольствия и, обжигаясь, надкусывали сочное белое мяско рыбки. Только что разве не урчали от блаженства.

Потом Стася сделала бабуле уколы, они закрыли ставни с той стороны, откуда сильнее всего дул ветер, и пошли спать.

Как только Стася зашла к себе в комнату, зазвонил телефон.

Это была её подруга Вига:

– Стася, как вы там?! У нас настоящий шторм, в городе отключили свет, и я звоню тебе в полной темноте со свечкой.

– Вига, спасибо тебе, что волнуешься! – обрадовалась Стася, – Не переживай! Всё хорошо. Мы со светом. Шторм сильный, но дома тепло и сухо.

Они поболтали ещё немного, Вига сообщила последние новости про общих знакомых и, тепло распрощавшись, подружки закончили разговор.

Вига была, пожалуй, единственной близкой подругой Стаси. В школе они учились в одном классе, и как-то летом им досталось задание вместе сделать проект по биологии. Вернее, начали делать они вместе, потом Стася заканчивала его одна, потому что у Виги случилась первая любовь. Она приходила к Стасе как будто заниматься, но сама только и секретничала с ней про свои свидания, а иногда сбегала на них. Осенью, на школьной конференции, когда все защищали проекты, выступали и Вига со Стасей. И защитились блестяще. Но учительница биологии мадам Корневицкая не поверила, что Вига приложила к работе руку. В тишине перед всем классом она буравила глазами Вигу со Стасей у доски и строго вопрошала:

– Стася, признайся, что работу ты делала одна! Вига не выучила тему.

Стася стояла бледная, опустив глаза. Вига была напугана: все знали, что преподаватель биологии могла испортить жизнь.

– Так кто делал этот проект, Стася? – ещё раз спросила учительница.

– Мы вместе, – робко ответила та.

– Не слышу! Кто?!

– Мы вместе, – громко повторила Стася, оцепенев. Все боялись строгую мадам Корневицкую.

Тут раздался звонок, и ученики высыпали из кабинета. Но мадам Корневицкая заставила Вигу и Стасю остаться и ещё час распекала их, запугивая и применяя все знакомые ей методы воздействия, однако девочки не признались. И ей пришлось их отпустить.

Девчонки выскочили из школы, сцепившись потными ладонями, и долго бежали. Только на пристани, когда они, успокоившись, ели мороженое, сидя на парапете и болтая ногами, Вига с чувством сказала:

– Спасибо тебе, Стася, я никогда этого не забуду. Ты – настоящий друг.

С того момента они стали неразлейвода, хотя были абсолютно разными. Вига – яркой, фигуристой и очень общительной, всегда в кругу подруг. У неё были длинные блестящие чёрные волосы и хорошо подобранные наряды. Вига таскала новую подругу на встречи с девочками в кафе или прогулки в парке. Она пресекала любые разговоры о Стасе и защищала её в спорах. А Стася постоянно успокаивала Вигу после глупых женских стычек и сплетен в стенах школы, на которые та всегда очень бурно реагировала. И доверяла только ей чтение своих сказок, которыми Вига не переставала восхищаться.

– Ты будешь знаменитой, – не сомневаясь говорила Вига, когда они отдыхали после уроков, – это мне Бог дал только красоту, а тебе – талант и большое сердце. Я такая мелочная и склочная по сравнению с тобой. Всегда удивляюсь, что ты не обижаешься на других. Стася, я так тебя люблю, как хорошо, что ты есть у меня! – она прижималась к подруге и горячо её обнимала. – Я, кажется, готова для тебя на всё.

Стася только улыбалась в ответ. Она тоже очень любила подругу и тоже была готова на многое ради неё.

Всё это вспоминала Стася, укладываясь спать. В последнее время они общались с Вигой чаще в сетях, но разлука не сделала их дружбу холоднее. Каждое утро Стася получала от подруги СМС с тёплыми пожеланиями хорошего дня. И любую новость из жизни Виги: будь то новый поклонник или покупка платья, Стася узнавала первой.

...Девушка, забравшись под одеяло, посмотрела в окно. За ним бушевала стихия. На фоне тёмного стекла, за которым сверкали молнии, покачивался, разнося волнами запахи, поумендэр Висии. Увидев его, Стася вспомнила о Лесных ведьмах. Как они там в эту страшную ночь?

«Какой длинный странный день», – подумала она. Девушка сильно утомилась, перенервничала, поэтому, плотнее укрывшись одеялом, замотавшись в него, как бабочка в кокон, убаюканная грозной колыбельной шторма, быстро заснула.

Глава 7

Проснувшись, Стася услышала, что Старая Ксения ходит в своей комнате.

– Бабуля, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Всё хорошо, – успокоила её бабушка и открыла дверь в Стасину комнату, – буря закончилась, и у нас много работы. Вставай, а я пойду пожарю тебе блинчики.

Стася вскочила, быстро умылась, причесалась и сошла вниз. На столе уже лежала стопка горячих тоненьких кружевных румяных блинчиков, пропитанных маслом.

– Бабуль, какие же они вкусные! – попробовав один, сказала Стася.

– Подожди, я достану к блинчикам мёду.

Старая Ксения принесла из чулана маленькую баночку, наполненную тягучим прозрачным золотом.

– Это вересковый мёд, – мне его приносит пасечник, живущий за утёсами.

– Бабуля, так, оказывается, ты в Медовой бухте не одна! – сказала удивлённая Стася.

– Да. Поживёшь со мной и поймёшь. Пусть не каждый день, но у меня частенько бывают люди. Из посёлка приходят женщины и покупают у меня соль. Я варю её из морской воды, и они говорят, что моя соль вкуснее покупной.

– А ещё к тебе заходят рыбаки, – добавила Стася, уминая блины.

– Да, они иногда оставляют у меня снасти, берут медикаменты и ту же соль, для рыбы. Если подняться к маяку и пойти не направо, к посёлку, а налево, там есть ферма. Я плету для них короба и корзины, а за это они дёшево продают мне свои продукты.

Стася вспомнила, что в холодильнике бабули в мисочках всегда был крупный жёлтый творог, бутылочки с молоком и сливками, которые Ксения сквашивала во вкуснейшую сметану или сбивала в масло, покрытое аппетитными капельками сыворотки.

– Так что скучать мне некогда, – подвела итог бабуля. – Ой, – она взглянула на часы, – нам пора!

Они оделись и вышли на улицу. Шторм поломал в двух местах заборчик, прибил к земле многие первоцветы, но трава стала изумруднее и все цвета мира словно засияли ярче: и небо, и море, и песок, и листва на деревьях.

Старая Ксения дала в руки Стасе знакомые корзины, кучу джутовых мешков, и бабушка с внучкой направились к морю. Ветер играл с волнами, гоняя по ним белых барашков. О буре напоминал только многочисленный морской мусор, разбросанный по берегу. Его они и стали собирать.

Чего тут только не было! Верёвки, бутылки, непонятные детали... Всё это было перемешано с длинными бурными волнистыми водорослями, от которых остро пахло йодом. Иногда попадались маленькие кусочки янтаря, напоминавшие мёд, который они ели накануне.

– Смотри, что я нашла! – позвала Стасю бабуля.

Девушка, оставив корзину в сторону, подошла к Старой Ксении. На вытянутой руке у той лежала подвеска, запутанная в зелёной морской траве: птица с жемчужинкой в клюве.

– Какая красота! – взяла в руки подвеску Стася и аккуратно очистила её от налипшей грязи.

– Это море подарило тебе. Я уверена, – сказала бабушка.

– Как удивительно, что ты её нашла!

– Ничего необычного, – сказала Старая Ксения, продолжив собирать мусор. – После бури море всегда выбрасывает подарки. Оно вечный Санта Клаус. Я помню, как-то после шторма твой дедушка нашёл целый хрустальный бокал и красивую кружевную скатерть. Я подлатала её, а потом мне сказали, что это редкое ирландское кружево. – Она распрямилась и посмотрела

на морскую гладь. – Спасибо ему! Оно дарит удивительные подарки. Много вещей в нашем доме из его воды.

Через два часа, собрав много мусора, уставшие, они вернулись домой. Стася сделала бабуле укол и уговорила её сегодня отдохнуть.

– Ты бледная, да и стукнулась вчера всё-таки сильно. Если тебе вдруг станет хуже, звони, – поцеловала она её, уложив в гостиной перед телевизором и прикрыв одеялом. – Бабуля, иногда нужно забыть обо всём и просто посмотреть телевизор.

Убедившись, что на столике рядом с бабушкой лежит телефон, лекарства, питьё и фрукты, Стася побежала к ведьмам.

Те тоже занимались уборкой. Буря завалила окрестности домика валежником. А на крышу повалилась массивная ветка от сосны. Хорошо, что она практически не повредила покрытие, только сбила один из водостоков.

Висия в широких штанах залезла на крышу и пилила большой пилой ветку, скидывая вниз её части. Лидия собирала их и оттаскивала в кучу у крыльца. А Урсула убирала вокруг дома.

Ведьмы очень обрадовались, когда пришла Стася. Девушка сразу же включилась в работу. Она рассказывала, какие приключения они пережили с бабушкой вчера.

– Я так испугалась, что бабуля умерла, – побледнела Стася, переживая ещё раз вчерашний ужас.

– Не бойся, – скидывая очередную ветку, сказала Висия, – твоя бабушка умрёт в тёплой постели и не от падения.

– А от чего? – сердце Стаси сжалось. – От чего? – повторила она.

– Хватит. Не надо о грустном, – строго сказала Лидия, – не надо о смерти, ведь мы ничего не можем изменить. О ней говорят только тогда, когда жизнь человека можно улучшить. Это не тот случай. Давайте о жизни.

С минуту все молчали, а потом Стася вспомнила, о том, что её беспокоило ночью, и задала вопрос:

– А почему у вас нет телефонов? Я вчера так волновалась за вас, а позвонить не могла. Ну хоть один, может, вам завести?

– Не знаю, как у девочек, – ответила Лидия, – а у меня его никогда не будет. Телефоны сейчас у каждого. И не по одному. Однако это средство разобщения людей, а вовсе не их соединения...

– Но почему? – удивилась Стася.

– Сны – зеркало нашей жизни. Наши подсказчики, – произнесла Лидия странную фразу.

– Я ничего не поняла, – честно призналась Стася.

– Заметила ли ты, что людям никогда не снятся телефоны? Хотя, казалось бы, раз это такая важная деталь, она должна пронизывать все человеческие сны, как и его жизнь. А телефоны, как вампиров в зеркале, во сне не видно.

Стася задумалась. Лидия зашла в дом, но тут же к девушке подошла Урсула.

– Лидия не сторонница прогресса, – шепнула она Стасе, – но у нас с Висией телефоны есть. Если что, пиши нам СМС. Номерá я тебе дам позже. О, а что это за птица у тебя на шее?

Урсула прикоснулась к находке из моря, которую Стася подвесила на цепочку. К ним спустилась Висия.

– И правда, очень оригинально! – сказала она, разглядывая жемчужинку.

Стася рассказала о чудесном подарке моря.

– Надо же, как оно тебя любит! – восхитилась Висия.

– И оно признало в тебе Ведьму Ветра! Подвеска – это добрый знак. Она принесёт тебе любовь, – добавила Урсула.

Позади них раздались шаги. Ведьмы обернулись. На дорожке к дому показался мужчина, ведущий женщину. Они пришли к Лидии за помощью – женщина, видимо, сильно болела – она еле шла. Её лицо было бледным, покрытым капельками пота. Она морщилась и тяжело дышала.

Урсула помогла посетителям подняться в домик. Висия посмотрела им вслед, а потом – на небо, где, кружа, громко тревожно каркал Арон.

– Сегодня будет много клиентов. После бури их всегда много. Ураганы поднимают болезни из глубины тела, словно ветер на море то, что спрятано на дне. Они, как бубен шаманов, выкидывают на поверхность всё, что затаилось внутри людей.

Её слова сбылись. До самых потёмок Стася помогала Лидии смешивать травы, делать припарки, носить настои. В это время на веранде Висия раскладывала посетительницам старенькие карты и отвечала на вопросы, заглядывая в шар. Урсула же всех кормила и лишь иногда выходила помочь младшей Лесной ведьме.

В небольшой обеденный перерыв Стася вышла на веранду к Висии. Та сидела одна, отхлёбывая чай, и рассеянно наблюдала, как неподалёку в ветвях резвятся две рыженькие белки. Стася смотрела на хрустальный шар и видела в нём перевернутую Висию. Девушка нерешительно потопталась, поправляя пучки трав на верёвке, а потом спросила:

– Висия, скажи... А ты не могла бы мне ещё что-нибудь сказать о моём суженом? Как я его узнаю?

– Узнаешь его и без меня, – успокоила её та. – Сердцем.

– Но всё же, – Стася под села к ней за стол, в её глазах было любопытство. – Какой он? Красивый?

– Конечно красивый. Любимый всегда красивый, – улыбнулась Висия.

– Ну хоть что-нибудь ещё скажи о нём! Пожалуйста!

– Скажу. Если обещаешь больше ко мне не приставать с этим вопросом!

– Да-да, обещаю, – заторопила её Стася.

Висия вздохнула и внимательно посмотрела в шар, обхватив его руками. Стася увидела, как заблестели глаза ведьмы. Висия долго глядела в хрустальную гладь, а потом сказала:

– Когда вы встретитесь, он сравнит тебя со старыми сапогами...

– Что? – растерялась Стася.

– Со старыми сапогами, – повторила Висия.

– Я полюблю человека, который сравнит меня со... стоптанной обувью? Я что, сойду с ума? – возмутилась Стася.

– Когда влюбляются, всегда сходят с ума, – улыбнулась Висия, оперевшись рукой на щёку и довольно глядя, как разгорячилась Стася. – Поверь, так и будет. Шар никогда не ошибается.

– Вот ещё! – Стася даже топнула ногой. – Никогда я не полюблю такого человека, – сказала и удивлённо посмотрела на Висию, которая не удержавшись залилась весёлым смехом.

Но тут на поляну вышли новые посетители, и Стася снова пошла помогать Лидии.

Темнело ещё достаточно рано, уже в шесть вечера солнце оставило отсвет на облаках, утомилось и упало в деревья. Избушка наконец опустела от посетителей.

Ведьмы в полной тишине выпили вечерний чай. Стася тоже очень вымоталась, но зато она запомнила почти все снадобья на полках в кладовке и к ужину могла ориентироваться там не хуже самих хозяек.

– Уберём, и я тебя провожу, – сказала Лидия Стасе, поднимаясь. – Вычисти-ка очаг. Да золу не выбрасывай, а просей в чашку. Вот тебе сито.

– У вас прямо безотходное производство, – пошутила Стася, – вы редко что выкидываете.

– Это берёзовая зола, дорогая. Она заменит активированный уголь и вылечит живот не хуже антибиотика. И присыпка на раны, милая моя, такая, что лучше любых медицинских порошков! И если бы люди поменьше ели синтетики, лечились природой, то и болели бы тоже меньше! – поучительно сказала Лидия.

Стася слушала её, аккуратно сметая золу.

Через полчаса, когда они с Лидией вышли из домика, одна сторона неба совсем потемнела.

Они уже почти дошли до края полянки, как их догнала Урсула.

– Подождите! – крикнула она, запыхавшись. – Стасенька, – Урсула взяла ладони девушки в свои, – меня что-то волнует. Я не пойму что. Береги себя сегодня! – Она сунула Стасе бумажку в руку, прижалась к её щеке и шепнула: – Это номера наших телефонов. Если что – звони или пиши!

– Хорошо, – кивнула Стася, сунув записку в карман куртки, но тревога Урсулы передалась и ей.

Стася с Лидией углубились в лес. Сначала шла Стася, за ней семенила Лидия в своих длинных юбках.

– Мне не нравится, как ты ходишь, – вдруг сказала Лесная ведьма Стасе.

– А как я хожу? – удивилась девушка.

– Осторожно, словно на цыпочках. Как будто крадучись. Ты напоминаешь ребёнка, который боится потревожить злую собаку. Это всё из-за того, что ты боишься... Люди всего боятся. Не понравиться друг другу, быть непонятыми. Боятся быть высмеянными или не оправдать чьих-то надежд. Боятся не угодить или подвести. Боятся не успеть. В итоге – боятся жить... А ты боишься ходить... Ступай красиво и смело, выпрямись, – Лидия развернула Стасе плечи. – Посмотри, какая ты стала красавица!

Они продолжили путь, но теперь уже Стася старалась ступать твёрдо и высоко держать голову. Она думала о том, что Лидия сказала правду – самое сильное чувство внутри неё всегда было страхом. Страх преследовал её с детства. Страх подвести или расстроить маму... Теперь у неё был страх, что она не встретит любовь. Сколько Стася себя помнила, она всё время мучилась вопросом: как бы прожить жизнь так, как хочется ей, но не расстраивать окружающих людей, которые ей дороги? Угодить бы всем.

Лидия словно прочла её мысли и сказала:

– Если точно знаешь, чего хочешь, тогда не слушай никого, даже нас. Другие как-нибудь выживут. Да и вообще, по большому счёту, другим чаще всего наплевать. А ты ума не приложишь. Не устраивай себе ад в собственной голове. Если человек тебя любит, то он захочет лишь одного – твоего счастья. А счастлива ты будешь только тогда, когда станешь делать то, что хочешь.

Так они дошли до конца леса, распрощались, и к маяку по пустоши Стася побежала, сопровождаемая одним Ароном.

Глава 8

Спустившись по лестнице, в самых потёмках, Стася увидела белое дерево – это в бабулином саду распустилась старая алыча. Она покрылась тысячами мелких цветков и в темноте выглядела, как осевшее на землю облако. Стася загляделась на алычу и не заметила, что у самого забора кто-то копошится. Она налетела на что-то живое, большое и страшное.

Стася заорала во весь голос. Нечто разогнулось и потянуло к ней лапы. Девушка перешла на визг и, зажмурившись, стала отчаянно колотить по чудовищу сумочкой, пока не услышала:

– Хватит, хватит, сумасшедшая!!!

Стася застыла с разинутым ртом, услышав человеческую речь.

– Ты... ты не д-д-демон? – спросила она у существа.

Тот шепуршал под ногами, что-то ища, потом радостно воскликнул:

– О! Нашёл! – В руке существа зажгётся фонарик.

Перед Стасей стоял парень лет двадцати пяти и улыбался. Темноволосый, взъерошенный, плечистый. На щеке красовалась свежая царапина.

– Это я так тебя? – спросила Стася, указывая на его щёку.

– Ну да. Пустяки, – он потёр царапину, – заживёт.

– А ты кто такой? И что здесь делаешь? – продолжала допрос девушка.

– Меня зовут Януш. Я с фермы. Которая за мысом, – он махнул рукой влево. – Старая Ксения покупает у нас продукты. А сегодня попросила починить ей забор, который вам сломала буря.

– А-а-а-а, – засмеялась девушка. – Прости меня. А я – Стася.

– Да я уже понял.

Они вместе пошли в дом. Как только девушка открыла дверь, её окутал тёплый, знакомый с детства запах. Аромат свежеевыпеченного хлеба. Старая Ксения вытаскивала новую буханку из печи. А две готовые уже отсталивались на столе на льняном полотенце.

– Бабуля, ну что же ты! Тебе же было плохо! – воскликнула Стася, снимая обувь.

– Мне уже лучше. А потом, какой толк валяться? Я вот хлеба напекла.

Ксения, улыбаясь, села на краешек стула, и Стася отметила, что бабуля раздумянулась и действительно выглядела отдохнувшей.

– Молодёжь, идите-ка за стол, попейте чаю, – сказала Старая Ксения и, отломив хрустящую корочку, поднесла её к Стасе: – Как пахнет, внученька! Можно на такой хлеб творожный сыр положить, как ты в детстве любила. С долькой помидора. И обязательно крупной солью присыпать... Или варенья ложечку. А можно и так съесть, – она снова села и, медленно жуя краюшку, продолжила: – Сейчас модны диеты разные. Правильное питание. А я живу по старинке. Что плохого в хлебе? Мне кажется, ничего нет его вкусней! Дом для меня живой, только если в нём пахнет хлебом...

– Согласен, – подал голос Януш. – Я, пожалуй, пойду.

– Нет, садись с нами поужинай, потом и пойдёшь! – настояла Ксения.

Они уселись чаёвничать, и Януш рассказал им, как накануне у них на ферме родился телёнок с отметиной в виде крылышек на голове.

– Мы его так и назвали – Ангелок, – улыбнулся Януш, и на его щеках появились забавные ямочки.

– Бабуля, – вдруг вспомнила Стася, – а ты выпила лекарства, которые тебе надо принимать до ужина?

– Ой, они же у меня закончились! Надо будет завтра купить... – растерялась Старая Ксения.

– Ты что! – вскочила Стася. – Врач же предупредил, что нельзя пропускать! А тебе же и с утра их пить. Надо пойти в аптеку! Ходу-то до посёлка час с небольшим!

– Не пуцу! Даже не думай. Темнота какая! – схватилась за сердце Старая Ксения, поглядев в окно.

– Я могу проводить, – несмело предложил Януш, – только матери позвоню, что задержусь, чтобы она не волновалась.

– Ну, если только так, – согласилась бабуля, – ты парень надёжный.

Януш вышел поговорить с матерью. А Стасе позвонила Агния, пока девушка обувала сапожки.

Мать распекала её за то, что мало звонит и не сообщает их новости.

– Мам, да всё у нас как обычно, ты не волнуйся.

– А к экзаменам готовишься? – спросила та.

Стася молчала, не зная, что ответить.

– Ну так и знала, что нет. Пообещай мне учить! – твёрдо сказала Агния. – И ещё, я прочла, что у нас выше по улице будут строить новые дома. Думаю, надо уговорить Ксению купить там квартиру. Продать дом, да к тому же у неё есть ещё накопления. Ты, кстати, не знаешь, много ли?

– Нет, – промямлила Стася.

– Она жила бы рядом. Всем было бы удобно. А потом эта квартира досталась бы тебе! Её можно будет тоже после продать и переехать в столицу! Здорово я придумала?

– Мам, не будем об этом сейчас...

– Ну, ладно, – успокоилась Агния. – Но всё же, какая ты у меня... неповоротливая и к жизни неприспособленная...

Стася выдохнула, когда закончила разговор. Бабуля в это время положила одну из буханок в сумку и протянула Янушу:

– Бери. И спасибо за помощь!

Ребята вышли в темноту. Януш вытащил фонарь и освещал им путь. Сзади шумело море, над ними плыли тёмно-фиолетовые облака, тускло подсвеченные месяцем, и пахло чем-то сладким, тревожащим сердце.

До верха лестницы они дошли молча. Когда вышли к маяку, Януш предложил:

– Давай ты возьмёшь меня под руку, чтобы не упасть.

Так Стасе идти стало гораздо легче. Они разговорились. Януш рассказывал, что вырос на ферме и знает эту дорогу как свои пять пальцев, потому что бегал по ней в школу.

– А тебе не скучно жить на ферме? Не хочешь куда-нибудь уехать? – спросила его Стася.

– Никогда не думал об этом. Нет, наверное, не хочу. Я учился на водителя и уезжал из дома на три года, чтобы получить образование электрика. Но всё время скучал. По морю, по ферме... У нас большая ферма. Там всегда много работы... Нас двое у матери с отцом. У меня есть ещё брат, он младше, но уже женат. Мы только закончили строить ему с семьёй дом... А у тебя есть братья или сёстры? – спросил он у неё.

– Нет, – вздохнула Стася. – Я у родителей одна. Вернее, у мамы. У меня только бабушка и мама.

– А ты хочешь куда-нибудь уехать? – посмотрел на неё Януш.

– Не знаю, всё так сложно... Я не знаю, чего мне хочется... – задумалась Стася. – Пусть бы уже хоть что-то определилось. Мама хочет, чтобы я выучилась на экономиста. Курсы бухгалтеря я закончила, а параллельно училась на оформителя. Но мама считает оформительство несерьёзным делом. Теперь я должна получить высшее образование, чтобы... – Стася замолчала.

– Чтобы что? – спросил Януш.

– Чтобы было хорошо.

– Кому?

– Не знаю. Наверное, маме. Она мечтает, чтоб я уехала в большой город и удачно вышла замуж за какого-нибудь богача...

– А о чём мечтаешь ты?

– Я не знаю...

– Мне кажется, все знают, о чём мечтают. Только некоторым страшновато себе признаться.

Стасю отчего-то эта фраза разозлила.

– То есть я боюсь себе признаться?

– Наверное, да. – Он посмотрел на её сомкнутые губы и продолжил: – Да ты не сердись. Может, я и ошибаюсь.

Они вошли в лес. Здесь сквозь кружевные ветки деревьев месяц светил ещё слабее. Из придорожных канав пахло прелыми листьями и мхом. Где-то ухнула сова. И совсем рядом запела растревоженная птичка. Её голосок напоминал детскую резиновую игрушку, на которую жмут с разным усилием, отчего она выдаёт пiski на все лады.

– Кто это? – спросила Стася.

– Малиновка, – объяснил Януш, – вот такая чудесная песенка. Нам с тобой подарок!

– Какой подарок? – не поняла Стася.

Януш помолчал, а потом сказал:

– Знаешь, в семье у нас как-то не приняты подарки. Ты не подумай, у меня хорошие родители, но они простые люди, трудяги. Каждый день встают в пять утра и крутятся до самой ночи. С фермы не уедешь в отпуск, иначе кто же за скотом присмотрит? Каждый выезд в детстве был целым светопреставлением. Поэтому после возраста пяти лет нам не дарили подарки. Только чмокали в нос, пекли праздничный пирог с мясом на ужин. И этого было достаточно. А я очень любил сюрпризы. И как-то после Рождества придумал себе игру: каждый день – это подарок, каждый день чем-то тебя одарит, а завтра ты получишь новый! Главное, в обёртке дня найти этот самый сюрприз.

– И что, всегда находил?

– Да, всегда. Даже сегодня, – он засмеялся, и вокруг его глаз сложились весёлые морщинки.

Стася подумала, что к его старости эти морщинки углубятся, и тогда у него всегда будут лучистые глаза. И его внуки будут очень любить своего дедушку. А внуков у него будет много, и он им станет рассказывать длинные добрые истории.

– А я пишу сказки, – вдруг сказала она, – и рисую картинки. И мечтала бы издать книгу.

– Да? Здорово! А ты знаешь, двоюродный брат моей матери живёт в столице и работает в крупной редакции. Он очень деловой, я видел его всего раз пять от силы, но по виду человек он добрый. Хочешь, попрошу его замолвить за тебя словечко?

– А ты не врешь? – удивилась Стася.

– Нет конечно, – опять засмеялся он.

И под его смех идти в лесу было не так страшно. И даже, кажется, стало светлее. В зарослях ивы пели малиновки, а запах леса смешался с ароматом хлеба, исходящим из рюкзака Януша. Стася потянула носом.

– У твоей бабушки всегда такой вкусный хлеб! – сказал парень, доставая буханку. – Должен тебе признаться, что в детстве я никогда не доносил Ксениных подарков домой целыми!

Он отломил огромный кусман от буханки и дал его Стасе. Внутри хлеб был ещё тёплым. Так, за разговорами и едой, они не заметили, как вышли на поселковую дорогу, освещённую фонарями, шуршащими от мошкар. Идти стало ещё веселее.

Глава 9

На улицах посёлка почти не было людей, хотя окна в домах светились. Из каждого двора неслись свои запахи, звуки техники, лаяли собаки. Януш по переулкам быстро вывел Стасю на центральную площадь. Даже сейчас, поздно вечером, это было оживлённое место. Здесь переливались витрины магазинов, мигал крестик аптеки, но самое шумное местечко было у клуба. Там толпилась молодёжь, звучали шутки, раздавался хохот. Однако всё это перекрывала музыка.

Кто-то из ближайшей компании окликнул Януша, он растерялся, но Стася сказала:

– Иди, здесь светло и не страшно. Вон аптека, я вижу. Дойти до неё смогу и сама.

– Хорошо, – выдохнул Януш, – я поговорю и буду ждать тебя у входа в клуб, там, где большая клумба, – показал он.

Ребята разошлись. Стася приблизилась к аптеке и вошла в помещение, пахнущее витаминами. Сонная аптекарша читала книжку, она тоскливо подняла глаза на позднего посетителя.

– Здравствуйте, – поздоровалась с ней девушка. – Мне нужны вот эти лекарства, – протянула она рецепты.

Продавщица медленно пошла на склад, потом стала выносить по одной коробочке из списка. В конце концов собрала всё в шуршащий пакет и протянула Стасе. Та расплатилась и, довольная, вышла на улицу.

Она подошла к клумбе, но Януша ещё не было. Девушка присела на скамейку рядом. Из клуба вывалилась компания подвыпивших парней. Стася, посмотрев на них, съежилась. Ей хотелось, чтобы они не обратили на неё внимания. Но случилось обратное. Один из парней, самый пьяный, кивнул на неё и громко спросил:

– Что за краля? Новенькая?

Они подошли к девушке вплотную и обступили её. Парень, задававший вопрос, подсел к ней и, обняв за плечи, заглянул в лицо.

– И как нас зовут? И что мы здесь делаем? – задышал он на неё перегаром.

– Пожалуйста, отстаньте от меня! – легко отпихнула его Стася.

Это вызвало приступ гогота у друзей парня.

– А что это ты такая злюка? – сделал ещё одну попытку он, сильнее прижав её к себе.

– Отстаньте, пожалуйста!

Девушка хотела вырваться и вскочить, но нахал только крепче сжал её. Ей стало больно.

– Ну чего же ты трепыхаешься? – громко сказал он и выругался.

– А ты, Алекс, поцелуй её, может, ей понравится, – заржал один из друзей.

Стасе стало страшно. Очень страшно. Она пыталась вырваться, начала кричать, однако парень крепко держал её, а его друзья смеялись.

Вдруг из-за спины раздалось грозное:

– Ты не понимаешь слов?! Тебе сказали – отстань!

И тут же кто-то дал обидчику по лицу так, что тот, отпустив Стасю, скатился на землю.

Девушка обернулась. Перед ней стоял парень в белой рубашке.

– Что ты, Стас, я же пошутил, – заискивающе засюсюкал мигмом протрезвевший Алекс.

Друзья подхватили его и быстро утащили в клуб.

– Вам помочь? – парень склонился к Стасе, и его светлый чуб коснулся её щеки.

От него пахло... она даже не поняла чем, но это было что-то умопомрачительное. От этого запаха у Стаси закружилась голова, и она пошатнулась. Парень, подхватив её, испуганно спросил:

– Вам плохо? Они вас обидели?

– Нет, сейчас пройдёт. Я сильно испугалась, – оправдывалась Стася, глядя на него широко открытыми глазами, не в силах оторваться.

В душе играла мелодия, но она не могла уловить какая. Незнакомец бережно придерживал её за руку, и она думала только о том, чтобы он её не отпускал. Время замедлилось, огни вокруг поблекли, и в целом мире были только его глаза. Стася почувствовала, как на долю секунды её сердце остановилось. Их вдвоём словно подбросило в воздух. Она откуда-то сверху, со стороны наблюдала за своей застывшей фигуркой с развевающимися волосами. В голове пронеслось: «Так вот как это бывает. Как сладко! Как необычно!»

– Как тебя зовут? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Стася, – одними губами ответила она.

– А меня – Станислав... Стас.

– Какие похожие у нас имена... – сказала Стася.

И они вдвоём рассмеялись. В тот момент подумали, что это очень важно, что их имена похожи...

Из ниоткуда к ним подскочил Януш. Стасе больше всего хотелось бы, чтобы он задержался или даже не пришёл вовсе.

– Всё нормально? – спросил парень, тронув девушку за рукав.

– Да-да, всё хорошо.

Стася и Станислав отпрянули друг от друга, и видение пропало. Мир вокруг прояснился, снова громко играла музыка, мигали огоньки. Но всё же... Всё же что-то было иначе. В мире Стаси появился Стас. Он, как буря, пережитая ею на маяке, мгновенно пропитал собой всё её существо, и она так же, как тогда, хотела петь, кричать и плакать одновременно.

– Мне надо идти, – сказала девушка Станиславу.

Она словно сразу повзрослела. На её лице отражались блики цветных огоньков, и от этого она казалась Стасу неземной и волшебной. Рыженькая нежная девушка с глазами оленёнка. И он явственно, на какую-то секунду, увидел за её спиной два больших белых крыла. Он потёр глаза и посмотрел ещё раз. Конечно, никаких крыльев не было.

– А можно попросить твой телефон? Где ты живёшь? – Станислав стал торопливо забрасывать девушку вопросами, пока Януш тащил её за рукав в другую сторону.

– Да, записывай. – Она продиктовала ему номер, склонившись близко, так что они снова соприкоснулись головами и опять внутри вспыхнули звёзды. – А живу я у маяка.

Януш подгонял её.

– Пойдём, – говорил он, – уже поздно...

И Стася с Янушем двинулись в обратный путь. Она шла медленно, как во сне. И пока они не свернули за угол, оборачивалась. Станислав стоял на одном месте, смотрел им вслед и улыбался.

Когда они вышли на дорогу к лесу, Стася очнулась и спросила у Януша:

– А кто такой Стас? Расскажи мне про него.

– Стас? Он сын капитана. И он – командир бейсбольной команды. Любимчик местных девочек.

– А у него есть подруга?

– Кажется, он встречался с Маришей, но вроде бы они расстались...

Всю дорогу по лесу Стася мучила его расспросами о Станиславе. Пока Януш не сказал сердито:

– Ну, хватит, я больше ничего про него не знаю.

И весь остаток пути прошёл в молчании. Дойдя до лестницы у маяка, они распрощались, обменявшись электронными адресами.

Стася положила рюкзачок на крыльцо, взяла старую масляную лампу и спустилась к морю. Пока оно тихо плескалось у её ног, девушку накрывали волны счастья. Она вспоминала

Станислава, видела близко его лицо, и её снова и снова охватывало ликование. Стася схватилась за горящие щёки, потом погрузила руки в холодную морскую воду и медленно потёрла лицо, чтобы остудиться...

Бабуля дремала в кресле у остывающей печи. За день Ксения очень устала, ведь кроме выпечки хлеба она занималась сегодня ещё одним делом. Целый день готовила в большом котле варенье из молодых сосновых шишек.

Стася вбежала в дом, перебудив сонные половицы крыльца, напугала бабулю, весело прыгая на одной ножке и стряхивая обувь с другой.

Девушка напоила лекарствами Старую Ксению, сделала ей укол, и потом они ещё долго разговаривали в темноте бабушкиной спальни. Стася рассказывала о Станиславе и полчаса расписывала, какой он замечательный.

– А как ты поняла, что дедушка тот самый единственный? – вдруг спросила она.

– На первом свидании мы пошли на танцы. Один танец может раскрыть человека лучше, чем множество разговоров. В танце человек показывает себя.

– Бабуля, сейчас не ходят на танцы!

– Да? Жаль. Вот поэтому люди перестали понимать друг друга...

– Сейчас есть клубы, но это немного другое.

– Да, – грустно повторила Старая Ксения, – вот и в отношениях немного другое.

Стася помолчала, а потом, шмыгнув носом, сказала:

– Как всё усложнилось. И запуталось... Ведь мама хочет, чтобы я приехала назад и училась. А я... Я думаю, что из меня выйдет плохой бухгалтер или экономист. Мне так скучно от всех этих бумаг... И тоскливо.

– В жизни всё просто. Не надо усложнять, – сказала Старая Ксения.

– Как же просто, бабушка? Что же мне делать? Мама хочет одного, а я... я не знаю, чего хочу и как мне будет лучше...

– А кто же знает, как тебе будет лучше? Кроме тебя, Стася?! – воскликнула Старая Ксения. – Разве ты рождена, чтобы всем угождать?

– Я просто не хочу, чтобы кто-то сердился.

– Кто-то всегда будет на тебя сердиться. Но ведь это его проблема. А не твоя.

– Но я не знаю, как правильно, бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.